

**ГЛЕБ
БОБРОВ**

ЭПОХА МЕРТВОРОЖДЕННЫХ

УКРАИНА В КРОВИ

Враг у ворот. Фантастика ближнего боя

Глеб Бобров

**Эпоха мертворожденных.
Украина в крови**

«Махров»

2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бобров Г. Л.

Эпоха мертворожденных. Украина в крови / Г. Л. Бобров —
«Махров», 2015 — (Враг у ворот. Фантастика ближнего боя)

Эту книгу не зря величают пророческой. Этот бестселлер, впервые опубликованный еще 8 лет назад, с поразительной точностью предсказал нынешнюю войну на Украине, зверства киевских карателей и героическое сопротивление Новороссии — так что язык не поворачивается назвать роман «фантастическим». Это больше, чем просто фантастика. Глеб Бобров, сам бывший «афганец», знает изнанку войны не понаслышке. Только ветеран и мог написать такую книгу — настолько мощно и достоверно, с такими подробностями боевой работы и диверсионной борьбы, с таким натурализмом и полным погружением в кровавый кошмар бандеровского геноцида. И не обольщайтесь. Этот роман — не об Украине. Пришествие «эпохи мертворожденных» грозит всем нам. После Новороссии на очереди — Россия. «Поэтому не спрашивай, по ком звонит колокол, — он звонит по тебе».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Бобров Г. Л., 2015
© Махров, 2015

Содержание

Глава I. Изварино	6
Глава II. Шахта имени XIX партсъезда	13
Глава III. Родаково	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Глеб Бобров

Эпоха мертворожденных. Украина в крови

© Бобров Г. Л., 2015

© ООО «Издательство «Яуза», 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

*Протезы придуманы для того, чтобы вы, двуногие – могли
смотреть нам в глаза.*

Павел Андреев

Глава I. Изварино

Ночью прошел дождь. Фронт тумана, заворачиваясь в рваные седые космы и покрывая траву новым слоем водяного бисера, весело стелился над самой землей. Резвое осеннее солнышко старалось на совесть, но утренняя ознобистая прохлада, подгоняемая порывистым крученым ветерком, все еще боролась с нарождающимся днем.

Центральная опора таможенного разделителя, превращенная ныне в импровизированный флагшток, пьяным органом гудела всеми своими трубами; отяжелевшие флаги, мокро хлопая бахромистыми краями, вновь схлестнулись врукопашную.

Зажатый с двух сторон жовто-блакитный стяг Центрально-Украинской Республики с непропорционально большими «вилами»,¹ намалеванными от руки в верхнем правом углу, отбиваясь на два фронта, попеременно хлестал своих соседей. Жиденский нейлон, висевшая лохмотьями кустарная прострочка и стиснутое стратегическое положение не оставляли новичку никаких шансов на решительное сопротивление или, хотя бы, на достойную сдачу.

Бело-красное полотнище польского контингента Сил Оперативного Развертывания Евросоюза упрямо и монотонно било слева направо по своим соседям, временами пытаясь опутать и потушить собой портянку ЦУРа. Добротный сетчатый полиэстер давал ощутимое преимущество в скорости и резкости удара, а широкий, еще не сильно обтрепанный кант и большая, по сравнению с ближайшим соседом, длина позволяли рассчитывать если не на удачный захват, то, как минимум, на серьезный контроль ситуации.

Роскошный российский триколор долго не вязывался в разыгравшуюся баталию. Свисая на полметра ниже остальных своим тяжелым, за ночь и туманное утро налитым влагой шелком, он поначалу, надувая парусом многослойное тело, неодобрительно отталкивал расшалившихся соседей да иногда нехотя отпускал тяжелые оплеухи особо ретивым.

Когда же польский и ЦУРовский двухцветники разошлись не на шутку и, ускорившись под порывами ветра, яростно забились, закручивая друг друга в жгуты, триколор тоже ожил. Медленно встав на крыло и развернувшись во всю ширь, он, выгнувшись дугой, поплыл, наращивая скорость, по воздуху и, разогнавшись, словно кнут, с оглушительным треском припечатал оба флага к трубам, залип в этом положении, обернувшись вокруг флагштока и похоронив под собою обоих смутьянов.

Опора гулко вздрогнула, и в наступившей тишине мелькнули лишь брызги да прыснувшие вниз желто-голубые лоскуты.

* * *

Человек, стоя куривший у колючей проволоки, при всем желании не смог бы оценить весь драматизм развернувшейся битвы – из сектора специзолятора Изваринского фильтрационного лагеря территория таможи не просматривалась. Захватив площади бывшей санитарной зоны, разрастаясь, лагерь своими палаточными секторами и внутренним периметром специзолятора – всем брюхом – влез еще и на пепельно-дымчатую породу гаревого поля, оставшегося от некогда раскатанного бульдозерами шахтного террикона.

Да и рассматривать там особо, по большому счету, нечего. Единственное, что свидетельствовало об измененном статусе таможи, так это два бронетранспортера, стоящих друг напротив друга за шахматной змейкой бетонных блоков у разрушенного шлагбаума на въезде:

---

¹ «Вилы» – презрительное наименование Трезубца – герба Украины. Термин вошел в употребление с началом Размежевания.

БТР,² упершийся вдаль стволом «КПВТ»,³ – с российской стороны да образцово вылизанная «АМВешка»⁴ польского контингента СОР ЕС,⁵ месяца два как организовавшего свой пост со стороны подконтрольной мандату миротворцев территории никем не признанной Восточной Малороссии.

Накинув на камуфляжную футболку потертый, но чистый солдатский бушлат, мужчина наслаждался утренней свежестью, сбивал пепел сигареты о колючку и, исподволь, следил за приближающимся нарядом. Шли за ним. Капитан с петлицами внутренних войск на полевой форме, четверо вооруженных солдат в линиялом х/б и один сержант-сверхсрочник – с красной повязкой на рукаве да оттянувшей ремень тяжелой кобурой. Выкинув сигарету, арестант надел бушлат в рукава, застегнул несколько пуговиц и спокойно подошел ко входу в палатку, как раз напротив двери шлюза.

– Кирилл Аркадьевич Деркулов... – сверяясь глазами с прищипленным на планшетку бланком, отдельно произнес капитан. Голос ровен и без эмоций, по тону совершенно нельзя понять – спрашивает он или утверждает. Тем паче, что вопрос был чистой проформой – в специзоляторе, в отличие от самого лагеря, содержался единственный задержанный, которого вот уже почти неделю, два раза в день, как на работу, наряд доставлял в один из вагончиков бывшей таможни и таким же порядком сопровождал обратно.

– Так точно! – негромко, но уверенно ответил мужчина.

– Следуйте за нами. Руки за спину. Ни с кем не разговаривать. Выполнять распоряжения наряда безоговорочно... – В голосе офицера по-прежнему привычно отсутствовали какие-либо интонации, хотя глаза его выражали скорее симпатию, нежели безучастность.

Окончив регламентированный катехизис, наряд выстроился и, словно в цирке, двинулся по арке проволочного коридора сквозь лагерь. Впереди шел сержант и двое солдат. За ними Деркулов. Сзади его подпирали остальные бойцы. Замыкал процессию капитан с железными нервами.

Обитатели Изваринской «фильки» давно вышли из палаток и с интересом наблюдали за привычным эскортом. Во всем этом присутствовал, естественно, какой-то элемент игры, борьбы с праздностью, но было еще и нечто иное.

Во всех секторах нашлись люди, вплотную подошедшие к проволоке ограждения своих зон. Все они выглядели ощутимо более заинтересованными происходящим, чем те, кто просто созерцал разбавляющий лагерную скуку спектакль. Даже их внешний вид и, что еще важнее, некая неосозаемая отметина – неуловимое во взгляде, повадках, вообще в том, как они себя держали, заметно отличали их от большинства.

Тридцать метров от конвоя до внутренней колючки внезапно перекрыл растянутый рык: – Равняйся! Смирно! Равнение – на комбата!

Народ подтянулся. Те, кто в головных уборах, – отдали честь. Остальные тоже как-то, но отреагировали – кто сигарету изо рта вынул да опустил, кто разговор прервал, кто просто голову повернул. Во всяком случае, все смотрели на идущих.

Деркулов глянул и, благодарно прикрыв на мгновение глаза, коротко кивнул.

Где-то в самом центре палаточного городка чистый сильный голос затянул:

---

² БТР – сокращение от «бронетранспортер», общее наименование семейства колесных боевых машин, состоявших на вооружении СССР, а также постсоветских республик и стран бывшего Варшавского договора. Сленговые наименования – «бэтээр», «коробочка», «броня».

³ «КПВТ» – крупнокалиберный пулемет Владимирова танковый, кал. 14,5 мм.

⁴ «АМВешка» (от аббревиатуры AMV) – модульный бронетранспортер, состоявший на вооружении некоторых стран блока НАТО, в т. ч. Польши.

⁵ СОР – Силы Оперативного Развертывания Евросоюза. Реально свои контингенты отправили только часть государств – вновь принятых членов ЕС Восточной Европы.

Ще не вмэрла эта сцуко – зрада, и подляна...

Мелодия «Гимна Нэпокори»⁶ полностью совпадала с музыкой Гимна Украины и ее законной правопреемницы – Центрально-Украинской Республики, а вот вариантов глумливого перефразирования существовало бесчисленное количество. Тот, что звучал сейчас, например, – откровенно изобилует непристойностями.

Начальник караула с не проявленным внешне удовольствием прослушал первый куплет и на припеве, потушив глаза, почти дружески попросил:

– Кирилл Аркадьевич! Уймите народ!

Сдержанно улыбнувшись под ноги, Деркулов оторвал руку из-за спины, растопырил ослабленную ладонь и, словно проведя по воображаемой крышке стола, погладил воздух.

Пока песня каскадами затухала, капитан имел возможность насладиться разухабистым содержанием второго куплета.

* * *

В вагончике тепло, светло и даже как-то уютно, невзирая на лаконичное убранство: Т-образный совдеповский стол под добротным желтым лаком, несколько деревянных стульев явно гарнитурного происхождения, приспособленный под чайный столик кургузый сейф, напоминавший Деркулову почему-то задницу бегемота, да масляный радиатор в углу. Все дело, скорее всего, было в столь узнаваемых кухонных обоях в мелкий сиренево-розовый цветочек и в откровенных до примитива занавесочках в такой же ситец-пеструшку. Даже отсвечивающий благородным титаном ноутбук на столе и присутствие двух полковников с грозными знаками военной прокуратуры не могли заглушить неистребимого бабского обустройства, оставшегося от прежних хозяев походного кабинета.

Вне всяких сомнений, только что закончился непростой разговор. Сравнительно молодой, демонстративно вышколенный и выскобленный до свинцового блеска, статный полковник стоял у стола. Нажав пару клавиш, он коротким движением закрыл крышку компьютера, переложил пластиковую раскладушку с бумагами в сейф, закрыл его на ключ и, сняв с гвоздя фуражку, вышел на улицу. Зажатый в трубу взгляд, рапирой прошедший сквозь Деркулова, и отчетливый нервный румянец на скулах красноречиво свидетельствовали о сложной внутрикорпоративной жизни военной прокуратуры.

– Садись ближе, Кирилл Аркадьевич... – густым низким голосом сказал второй. – Чайку попьем, разговоры разговаривать будем. Глядишь, до чего путного и договоримся.

Деркулов, подвинув стул, сел напротив приоткрытого окна через столешницу от стула полковника. Тот же, встав, готовил чай – охотничьим перочинником откромсал от лимона две такие дольки, что лимон укоротился ровнехонько до половины, кинул по два пакета чая и по десертной ложке сахара, залил оба стакана кипятком и, поставив их в алюминиевые, чуть ли не железнодорожные подстаканники, вернулся на свое место.

– Как у тебя с сигаретами? – спросил прокурор, подвигая пепельницу и закуривая сам.

– Спасибо, пока есть.

– Ну, на тогда, чтоб не «пока»... – Через стол плавно переехал блок «Князя Владимира».

«Курево покрутелo вдвое!» – отметил про себя Деркулов и, переложив подарок на боковую столешницу, полез в бушлат за своей пачкой.

---

⁶ «Гімн Непокори» (укр.) – Гимн Неповиновения. Появился вскоре после начала вооруженного противостояния Восточной Конфедерации и Центрально-Украинской Республики. Впервые был анонимно опубликован в Интернете. Авторство – неизвестно.

Полковник, внимательно изучая кончик лезвия не убранный сразу складника, исподволь поглядывал на своего подопечного. Деркулов, прихлебывая чай, старательно пялился в окно, за которым с интервалом в полминуты методично проплывал примкнутый штык-нож караульного.

По-хорошему они походили на два платяных шкафа или нестораемых сейфа, поставленных через казенный стол друг напротив друга. Разных во всем, но одинаково громоздких, тяжелых, с плотно закрытыми дверцами и запертыми на секретные замки ящиками своего нутра. И обоим край как требовался доступ к содержимому другого. Ну, это если – по сути. Внешне они, конечно же, различались весьма существенно.

Если Деркулов выглядел мужиком, которому под полтинник или около того, то полковнику Нагубнову можно было смело дать все крепкие шестьдесят. Но тут был совсем не тот возраст, когда начинаются мысли о тяге к земле, той, к которой пора привыкать, и о банальном геморрое. При своих почти метр девяносто да полтора центнера литого чугуном веса, он совсем не казался тучным и пожилым. Напротив!

Деркулов, уступавший ему всего каких-то полголовы да пару пудов, ощутимо чувствовал кожей присутствие рядом с собой реальной опасности. Не с точки зрения окончательного вердикта и дальнейших поворотов своей судьбы, а конкретной неосязаемой интуитивной угрозы зверя, залегшего рядом. Как ощущение взгляда снайпера меж лопаток, как уверенное чувство заминированной тропы среди руин, как подгоняющее дыхание сидящего на хвосте спецназа. И именно поэтому Деркулов ему – не верил.

– Павел Андреевич! А ножичек-то у вас пендостанский...⁷ – иронично прервал затянувшееся молчание Деркулов. – Не патриотично как-то получается.

– Да... – хитро улыбаясь во весь сияющий фарфором ряд, ответил он. – Говорили мне. Вот из-за него, наверное, все никак на повышение не иду. Все мои однокашники давно уж как в лампах выпендриваются. Один я по просторам старой Родины кукую. Да, знаешь, расставаться – жаль. Считаю, двадцать лет, как подарили – прирос ко мне.

Со смачным щелчком курносый клинок юркнул в латунно-деревянный гробик рукояти и, сразу потерявшись в широкой лапе, привычно утонул в кармане.

– У меня тоже один был – любитель этого дела. Этот бы оценил по-взрослому.

– Был – говоришь... Ну, дык – о былом. У меня, Кирилл Аркадьевич, вот какое дело сегодня вырисовалось к тебе. Говорим мы с тобой почти неделю, а договориться толком не можем. Нет, нет! – отмахнулся он от удивленного взгляда и поднятых бровей... – То, что ты готов сотрудничать с Главной военной прокуратурой Российской Федерации и изложить все свои воинские подвиги, как ты сам говоришь, «в любой форме», вне всякого сомнения – хорошо. Но... Ты меня прости, Деркулов... – Он, немного изменив угол корпуса, тут же навис над столом... – Только я, хоть убей меня саперной лопаткой в лоб, не приму в толк, какого ляда тебе понадобилось заявлять о согласии на этапирование в Нюрнберг? На ненавистную тебе Европу захотелось взглянуть или лавры Милошевича глаза застили?

– Павел Андреевич! Ну к чему этот разговор?! Свою позицию я и вам и Анатолию Сергеевичу изложил раза по три. Добавить свыше – просто нечего. Мне что – вам теперь отвечать: «Ничего теперь говорить не буду, начальник»? Так, что ли? Или – как?

Нагубнов уже отвалился на свой стул. Что-то его реально беспокоило, но что именно – понять было невозможно. Явно, что источником раздражения служил вовсе не Деркулов.

– Ты не колотись. Показания, ясное дело, дашь – все, никуда не денешься... – причем в последних словах явно сквозанула неприкрытая угроза. – Дело в другом... – За пару глотков добив свой стакан, полковник что-то досчитал в уме и, видимо, приняв какое-то определен-

---

⁷ «Пендостан, Пендосия, пендосы» (*жарг.*) – презрительное наименование США и американцев, распространенное в среде русскоязычной т. н. «патристически настроенной» части населения постсоветских республик.

ное решение, сказал: – Пришел официальный запрос. До завтрашнего утра ответ должен уйти отправителю. Детали этой казуистики тебе Анатолий расскажет. Вопрос тут простой: либо ты подписываешь свое согласие предстать перед Трибуналом, либо – нет. Если подпишешь, то обратного хода... – он хищно улыбнулся. – Я имею в виду – цивилизованного, сам понимаешь, – назад уже не будет. Не подпишешь, может, и порешаем чего... по-семейному.

– А смысл? Отпустите меня, что ли? – насмешливо спросил Деркулов.

– Да ну, понятно! Куда ж тебя, сердешного, отпускать. Только ты не лыбься – я еще не закончил. Кроме Трибунала тебя жаждут заполучить еще пяток государств. Причем хотят, как тебе известно, весьма конкретно. Реально хотят... Повесить, наверное... Причем не факт, что за шею! И как оно пойдет на этапе – никому не известно. И ЦУР, и Польша, и чехи с прибалтами имеют все юридические основания судить тебя, не особо оглядываясь на гуманитарное право. И меж собой они договорятся быстрее, чем мы с тобой, – тут можешь не сомневаться.

– Ну, и чего вы хотите? Не подписывать?

– Да вот – думаю... – он уперся тяжелым взглядом в собеседника. – Это, прямо говоря, от тебя зависит. Насколько ты действительно готов... выступить в этот поход... – Он опять вырос над столом. – Говорю тебе, Деркулов, то, чего говорить не должен. Считай за подарок. Нам ты, по большому счету, даром не нужен. От тебя – только проблемы. Тем паче после твоей озвученной в СМИ добровольной сдачи. Ты пачкаешь все, что находится рядом с тобой. Ты – чума! Понимаешь?

– Да как-то, Пал Андреич, и не отрицаю... – взгляд мужика ощутимо стал тяжелым.

– Так вот, я еще раз тебя прямо спрашиваю... – полковник приблизился. – Ты – готов?

– Да. Я от своего не отказываюсь. Пойду до конца.

– Угу! И посадишь на сраку Нюрнбергский трибунал...

– Крови попою как минимум.

– Если доедешь! – Полковник встал, развернулся к сейфу и включил чайник. Вероятно, он внутренне принял какое-то решение и сейчас лишь делал в голове последнюю доводку... – Международный уголовный трибунал по военным преступлениям, геноциду и преступлениям против человечности... – с расстановкой, как бы взвешивая, оценивая произносимые слова отдельно и на вес, и на вкус, Нагубнов дернул бровями... – Ты знаешь, Кирилл Аркадьевич, может не получится – ни подраться, ни кровушки напиться. Ты думал о таком раскладе?

– У сербов получилось. Почему у нас не может?

– Дык, Запад тоже учится. И что такое твое – «получилось»? Нет Гааги – есть Нюрнберг! Какая, в ляд, разница? Только во сто крат хуже звучит. Ты же теперь... – вдруг улыбнулся он, – еще и фашист, считай!

Налив по чаю и окончательно разделившись с лимоном, он, усевшись на место, сказал:

– Ладно. Подписывай. У нас есть месяц, потом будем посмотреть, что с тобой дальше делать. Тянуть все равно больше нельзя. Мы же тем временем запишем все, сверим, проверим. Похождения твои по-хорошему на год работы потянули бы... – И, набрав телефонный номер, не меняя голоса, с шутливым наездом сказал в трубу: – Анатолий Сергеевич, дорогой! Ты где ходишь-то? Заждались тебя!

С формальностями покончили минут за пятнадцать. Еще час заняло ожидание и общение с прибывшими представителями фельдъегерской службы Миссии Международных Наблюдателей. Деркулов вновь поставил с десяток подписей и заполнил несколько формуляров.

Всю официальную часть, не проронив ни слова, Павел Андреевич, обстоятельно рассевшись, словно на скамье римского форума, внимательно наблюдал за происходящим.

Анатолий Сергеевич Разжогин, напротив, был деятелен, быстр и безупречен в организации служебных процессов. Как выяснилось, он еще неплохо владел английским. Во всяком случае, переводчик ему не понадобился ни разу. Он же по окончании процедур оформления и

сдачи документов курьерам сразу, лишь по одному кивку головы шефа, начал установку аппаратуры – штативов видеокамеры и света. При всей расторопности и четкости, в нем проскальзывало что-то искусственное, механическое. Установив и подключив штекеры к компьютеру, он сел на свое место и замер перед своим микрофоном с взведенным курком.

Вообще вся система их взаимоотношений Деркулову была решительно непонятна. На своем бурном пути ему, правда, не доводилось находиться под следствием, и с непосредственной работой правоохранителей он был знаком постольку-поскольку, но, обладая более чем богатым жизненным опытом, уж систему иерархии, и не только военной, знал досконально. Здесь же все как-то сдвинулось наперекосяк.

С одной стороны, Разжогин беспрекословно делал стойку на любой жест Павла Андреевича и тут же с филигранной точностью сию команду – исполнял. Только что чаек не заваривал да за пивком не бегал – лакейской угодливости и намеком не просматривалось. В то же время он ни разу не обратился к старшему ни по званию, ни по фамилии или имени-отчеству, так, как это обычно принято в связке «начальник-подчиненный» в армии, да и где угодно.

Внешне разница ощущалась намного значительней. Нагубнов смотрел на мир несуетно и внимательно, подолгу задерживая заинтересованный взгляд светлых серых глаз. Он вообще весь светился спокойствием и открытостью. И без того почти лишенный растительности, выбритый до отлива дембельской бляхи, загорелый череп и такое же гладкое лицо – с прямыми, мощными и крупными чертами, русые негустые брови, наполовину разреженные седой, да несколько мелких белесых шрамов как бы свидетельствовали о хозяине: «Нам скрывать нечего». Даже руки, сильные и большие, он почти всегда держал на виду. Единственно, что казалось неестественным, так это босяцкое положение сигареты «в кулачок» да хват стакана с чаем – чуть ли не сверху, всей лапой, пропуская ручку ложки сквозь указательный и средний палец.

Анатолий Сергеевич, ровно вдвое тоньше в кости и младше по возрасту, своим ростом догонял начальника. Темные, почти черные волосы на пробор примерного тимуровца, вечная синь на щеках, аккуратные, математически точно обрубленные со всех сторон и от этого невыразительные усы, стремительность в темном взгляде и движениях хорошо смазанной машины – все эти отличия разделяли их, наверное, сильнее, нежели служебное положение в своем ведомстве.

Деркулов же со своей двухнедельной щетиной на правильном, немного тяжеловатом лице, с короткой, зачесанной назад, не скрывавшей обильной изморози на каштановом фоне стрижкой, с квадратным, заземленным телосложением внешне заметно отличался от обоих.

Но было нечто, успевшее за эти несколько дней протянуться между задержанным и пожилым полковником. Некая связь, обусловленная, возможно, более близким возрастом, а скорее всего – единой для обоих, навечно выжженной в глубине глаз, незримой печатью «человека с прошлым».

– С чего начнем? – неторопливо раскладывая на столе десяток по-чертежному отточенных карандашей да хорошую пачку писчей бумаги, спросил полковник. – Ну, что молчишь, Деркулов, выбирай историю... У тебя их – с избытком, поди.

– Да мне как-то все равно, с какого места начинать. Спрашивайте...

– Вот видишь, Анатолий Сергеевич, на тебя вся надежда – командуй.

Разжогин, словно и не замиравший ни на секунду, тут же включился в работу:

– Тема номер один, проходящая по всем запросам, – «Сутоганская бойня». Поскольку задержанный дал предварительное согласие на освещение любого события, участником или свидетелем которого являлся, то предлагаю начать именно с нее.

Ответом стало общее молчаливое подтверждение.

Анатолий Сергеевич за несколько минут управился с традиционным, неоднократно озвученным инструктажем дачи официальных показаний, не ленись, каждый раз полностью произнося священную мантру новообращенного в современные технологии адепта: «при материально-техническом обеспечении процесса дачи показаний с использованием средств акустической и визуальной фиксации следственной информации». После чего, ткнув куда-то в ноутбук, включил всю технику и, отдельно зачитав Деркулову «права и обязанности», окончательно разделался с вводной частью:

– Итак...

Глава II. Шахта имени XIX партсъезда

С самого детства, как и всякая «сова», я ненавижу, когда меня будят спозаранку. Тем паче вот так, по-собачьи, трясая за плечо. Да еще во время долгожданного провала в теплый, обволакивающий черный кисель без живых картинок, чужого надсадного кашля, придушенного шепота и обычной возни перед печкой. В придачу – вымучен да тело измочалено... И уж тем более – невыносимо, когда это делают подчиненные!

Вырываться из сонного варева все равно пришлось. Да и в пошагово включавшемся сознании вовсю ворочалась чуйка, а это такая подруга – свое возьмет. Наверняка знал – подниматься придется надолго и всерьез, не поспать уж сегодня...

Меж двухсотлитровой стальной бочкой с раскрасневшимся жарким боком и стопой сложенных дверей в дерматине на короточках сидел взводный-один Юра Жихарев. Отсвечивающий в темноте светлым, сложенный вдвое лист бумаги в его руках да набитая «во все дыры» разгрузка⁸ угодливо свидетельствовали о непогрешимости интуиции, самовольно взявшей шефство над изнасилованным нескончаемой усталостью мозгом.

Слишком небрежно скинув ноги с импровизированного подиума, я быстро и неаккуратно сел. Скривившись и присвистнув от резкой боли, развернулся. Служивший одеялом кусок брезента сполз на пол и прямо под берцем высветил размашистую табличку в золоченых виньетках: «Генеральный директор ГП «Родаковоресурсы».

– Видал, Юрец: Педаля постарался... Даже под жопу командиру – генеральскую дверь! А ты говоришь: «растяпа»...

Тень чуть шелохнулась на слабо мерцающем фоне.

– Если эта мандавошка через пять минут не поставит к воротам «газон», я к его бестолковке эту табличку шурупами прикручу!

Ну, благодушия от Жихаря ждать, что кота – грамоте учить. Тем паче по отношению к такому подарку, как Виталя Жук. Ну, да и ладно, проснулся уже, включился, можно не морозиться.

– Давай...

Юра протянул листок и подсветил сверху.

Текст со всей очевидностью подтвердил – начинается!

На обратной стороне какой-то бухгалтерской шифрограммы времен Золотой Родаковской Эры корявым почерком были начертаны три строки: «Митя! Звонила мама. Они уже в Воронеже. У них все хорошо. Выберись за два-три дня ко мне. Возьми две сумки, передам тебе продуктов».

– Радио?

– Да... «Славяносербск-FM».

– Сколько – там?

Юра блеснул фонариком по руке:

– Двадцать один тридцать две.

Блядь! – нет, это просто подлость какая-то – только отрубился!

– Ты, Денатуратыч, Дэн, Антоша с Малютой и Бугаем, ну и еще пару хлопцев возьми, грузиться. «КамАЗ» и «шестьдесят шестой» – на выезд. Салимуллин за старшего. Его и Кобе-няка – ко мне. Пять минут на сборы, максимум...

В послании все понятно и просто. Не ясен только такой уровень секретности. Радиосвязь работает нормально. Мобильники – тоже. Нет же, передали команду через «Вести от близ-

---

⁸ Разгрузка (*сленг*) – разгрузочный жилет, используемый для рационального и удобного размещения на теле военнослужащего различного рода вооружения, боеприпасов и снаряжения.

ких» – местную ежедневку для беженцев. Тогда почему общий вызов «Митя» – это все подразделения и приданные группы комбрига Буслаева? Может, из-за «продуктов» – две машины с собой. Но тогда что за спешка – двадцать-тридцать минут? Ладно, разберемся...

По мрачному подвалу некогда швейного цеха, переступая в темноте через бойцов и оружие, вышел в гулкий коридор. У полуразрушенного лестничного проема в лицо дыхнуло промозглой сыростью. Не вдохновляет! К неистребимой вони пожарища, соляры с краской и сотни наповал убитых портянок привыкнуть можно, к барахтанью в ледяной грязи – нет. А покувыркаться не сегодня завтра придется, как пить дать.

У бокового входа в то, что некогда было центральной управой базы, перед грузовиком стояло несколько человек. Навстречу выступил Жихарь.

– Все на месте. «КамАЗ» на АТП. По пути – заберем.

Пока народ лез в кузов, поставил командирам групп задачу на время отсутствия. Узнав, что едем в штаб, Кобенька сразу заволновался:

– Аркадьич, так, может, – и я?

У мужика жена, взрослые дети, внуки – вся куча-мала домочадцев обреталась у родни где-то под Новым Осколом. Не было случая, чтобы он не воспользовался возможностью позвонить. Потом, наговорившись до матерного ора связистов, упорно гонял бойцов, мрачно приговаривая: «Тяжко в учении, проще в лечении». Сегодня им повезло, ему – нет.

– Степаныч! Не задирай, прошу тебя! Не сейчас... – Под шестьдесят дядьке, и отказывать неудобно, и сам мудаком себя чувствуешь.

– Броню – подогнать под бугор?

Еще один! Старая песнь Салимуллина... Понимаю, что прав, но как расскажешь, не обидев, что у меня приказ «на ухо»: даже ссать под себя. Ему же – машины подай на боевое охранение и отряд рассредоточь. Видите ли, пятьдесят человек в одном подвале не годится. А то я, бля, не знаю! Вообще за «пиджака»⁹ держат...

– Салам, брат! Как мне тебе, не посылая, втолковать, что мы будем сидеть в этом подвале, вот так, как крысы, до тех пор, докуда нужно будет? А?

– Ладно, не заводись. Как лучше хотел...

– Да не завожусь я... Жопа болит, сил нет.

– Здесь Илья за старшего, а первую группу и управление давай ко мне, на АТП?

– Василь Степаныч, уймись! Все будет, как есть... Идите, в нарды погоняйте, водочки накатите и ждите меня с новогодними подарками. Лады?

Тут не выдержал Жихарь:

– Спасибо. Наелись уже. Поехали, время!

– Педя! Я человек добрый, ты знаешь. Еще раз толкнешь локтем, перебеу!

Не воспринимая шуток ни в какой форме, Жук отодвинулся к самой двери и, развернувшись, стал втыкать передачи, словно вымуштрованный боксер: не отрывая локтя от печени. Редкое дурко, конечно, но водила – каких поискать. За что и терпели. Даже Жихарь спускал «Педалику» если не все, то многое.

Взводный доехал, стоя на подножке, до АТП и пересел в КамАЗ. Сзади в кузове, нахвалившись в воротники, тряслась остальная братия. Можно было бы, конечно, встать в крутую позу и приехать всей толпой на «Патроле»,¹⁰ но такие понты чреватые. Армейское начальство

---

⁹ «Пиджак» (сленг) – насмешливое наименование в армейской среде офицеров – выпускников гражданских вузов с военной кафедрой.

¹⁰ Имеется в виду внедорожник семейства автомобилей «Nissan Patrol».

не меньше полевиков¹¹ джины ценит, и они им, понятное дело, нужнее. Тут даже – не обсуждается.

Ехать от Родаковской базы до Сутогана минут пятнадцать-двадцать, да пяток еще меж остовами корпусов шахты имени XIX партсъезда добираться до подземелья штаба группировки. Успеваю...

Приняв на грудь при посадке пару глотков коньяка из Юриной фляги, я, уютившись полулежа, с удовольствием закурил. Недаром убежденные воинской мудростью старшие товарищи говорят, что «свежак» значительно лучше, чем «перегар». Денатуратыч, непререкаемый эксперт в этом вопросе, даже развернутую теорию выдвинул, включавшую в себя бесспорные доводы от «не так заметно на начальственном фоне» до утонченно-психологического этюда на тему «раз выпил – значит, любит отцов-командиров – как на праздник к ним идет».

Интересно, где Жихарь коньяк надыбал? И молчал же, гад. Впрочем, он все время молчит. Пусть молчит. Значит, надо ему – так. Пусть переварит все. И сколько бы Степаныч заботливой насадкой перья ни растопыривал, курятник охраняя, а будет, как есть. Или притрутся, или сцепятся. Не хотелось бы, чтоб сошлись всерьез, тогда точно кто-то кого-то грохнет. Я даже знаю, кто и кого... Плохо. Хороший мужик Ильяс.

Вчера – за малым... И ведь не хотел расслаблять народ – ясно же, не шары гонять нас сюда кинули. Да только после недель болот и мокрых засад по приречным балкам квадрата Боровское – Нижнее – Трехизбенка – Новоахтырка надо быть последней сукой, чтобы не дать людям пар выпустить.

Ну да ладно, развести подальше, а там – кривая выведет. Мужики нормальные, а то, что у каждого свой рубец на сердце и пуля в голове, так никуда не денешься. Можно подумать, Саламу в кайф, что он тут за весь Крым перед каждым, кто за нож или ствол хватается, отдуваться должен. Нашли крайнего!

Да, по-честному мне вообще повезло с офицерами. Взять того же Кобеньяка. Нянится со всеми, разводит. Без него тупо – вешайся. Чего я сам, как армеец, стою по сравнению с ним? Он подполковник! артиллерист! И я – сержант с перерывом в четверть века. И сколькому научил?! И незаметно как, авторитета не роняя. Про технику просто молчу. Не было бы Степаныча, ничего бы не было. Кто машины с земли поднял? Ладно, БТР почитай новый, а ума ему дать! Кто?! Возненавидевший все на свете рубила и волкодав Жихарь? Всю молодость, высунув язык, промотавшийся в «уголке»,¹² но так и не дослужившийся до козырной должности, по-прежнему старлей Салимуллин? Или бредящий суперфугасами изувеченный прапорщик Передерий?

Зато Денатуратыч из любого говна сделает заряд, а из трех мин, пары канистр и кучи хлама – непреодолимое инженерно-заградительное сооружение. Ну, если не нажрется, конечно. Ильяс поведет группу в любую жопу и, не моргнув косым глазом, выведет всех обратно, не бросив ни одного – хоть живого, хоть мертвого. Просто без нервов чувак. Про Жихаря – вообще молчу.

И вовремя-то как пацаны пришли в группу?! Слава тебе, господи, что пришли! А сегодня без них в отряд бы не выросли, да и сама группа заслона наверняка слегла бы где-нибудь, если не в Кременских лесах, то в Северодонецке – точно.

Вот уж где досталось, что называется – и в хвост, и в гриву. Как вспомнишь, так вздрогнешь...

---

¹¹ Полевики (*сленг*) – полевые командиры отрядов и групп неармейских формирований, широко использовавшихся в боевых действиях вооруженными силами всех республик Восточной Конфедерации.

¹² «Уголок» (*жарг.*) – уголовный розыск.

* * *

Труднее всего решиться. Когда же самому себе скажешь: «Все – больше не могу» и сделаешь первый шаг, тот самый, после которого возврата нет, – тебя сама Судьба за руку ведет. Все само выстроится так, как надо. Вот и со мной – так же.

Заявил, не затягивая, разругался в пух и прах со всеми и, добившись своего, ушел. Только благодаря уникальному стечению обстоятельств – военному перевороту и резкому взлету старого институтского друга от начальника управления пропаганды до Члена Военсовета Республики – вместо «абы куда» попал, куда и должен был попасть, со старта принялся формировать собственную группу. И не просто так, а изначально приданную командиру отдельного «штурмового» полка.

Никто не понял и не принял такого поворота. Почему-то народу казалось, что война если не вот-вот, то по крайней мере очень скоро закончится. Но мне-то, в силу должностных обязанностей начальника службы контрпропаганды сидящему на всех информационных потоках, было понятно другое.

В середине лета ситуация на фронте дошла до той точки, когда наступать фашикам¹³ взрослому еще не с руки, а ждать дальше – больше некуда. Блестящий блицкриг ЦУРа при массовой поддержке всего контингента «младоевропейцев»¹⁴ закончился на подступах к Луганской области. Хотели грозно грянуть в литавры, а вместо этого – лишь протяжно пукнули. Решительной победы не получилось, зато вони – на весь мир. Сам поддавал, статьи тискал, знаю.

Со Слобожанщиной и Донбассом тоже не разобрались, но зато показали себя во всей красе. Точно по политинформационным лекалам моей пионерской молодости: «Звериный оскал воинствующего империализма». Это вам не замырэння¹⁵ Новороссии, где обошлось почти полюбовно, не считая вызвавших поначалу столько крика относительно бескровных полицейских операций да громких арестов с пальбой в воздух и массовой укладкой народа мордами в асфальт в Днепропетровске, Запорожье и Причерноморье.

И пока в Крыму все плотно и окончательно зависло в нерешаемом клинче, решили наши свидомі¹⁶ ребятушки, справедливо опасаясь открытого вмешательства России и Турции, разобратся с Конфедерацией. Да вот – облом вышел. На Востоке их встретили уже не так, как в лояльных, почти правоверно окраинских,¹⁷ образованиях. И хваленый поход за «Национальную Едність»¹⁸ окончился затяжными городскими боями, сожженными поселками, тысячами убитых и неисчислимыми беженцами.

---

¹³ «Фашики» (*жарг.*) – производное от «фашисты». Презрительное наименование войск Объединенных Сил контингентов Сил Оперативного Развертывания и группировок Центрально-Украинской Республики.

¹⁴ «Младоевропейцы» – неофициальное название ряда стран, молодых членов ЕС, активно поддерживающих европейскую политику США. Лидером этого движения в период войны в Украине выступала претендующая на доминирующие позиции в Восточной Европе Польша. Кроме планомерной поддержки курса Америки на раскол и ослабление Евросоюза, она, параллельно, реализовывала собственный проект по созданию буферных зон между собой и РФ в виде протекторатных или дружественных государств – Республики Галиция и Центрально-Украинской Республики, а также зон т. н. «управляемого хаоса» – в республиках Донбасс и Восточная Малороссия.

¹⁵ «Замирення» (*укр.*) – замирение. Официальное название первого этапа военных действий ЦУРа против военных и ополченских формирований Восточной Конфедерации.

¹⁶ «Свідомі, свідомість» (*укр.*) – сознательные, сознательность. «Сознательный украинец» – одно из базовых понятий украинской самоидентификации.

¹⁷ «Окраина, окраинцы и окры, окраинский» (*жарг.*) – Украина, украинцы, украинский язык. Презрительные наименования, ставшие в ходу на территориях Конфедерации с началом боевых действий.

¹⁸ «Національна Едність» (*укр.*) – Национальное Единство. Один из основополагающих принципов официальной политики ЦУРа.

ЦУР и бронированные армады СОРа, несмотря на море суперсовременного оружия, абсолютное превосходство в технике, полное и безраздельное господство в воздухе, добились немногого – разрезали Слобожанщину по линии Красноград – Изюм да раскололи Республику Донбасс по линии Краматорск – Артемовск. Ну и еще из неприятного – оседлали связанную со всеми внутриобластными трассами магистраль Е40/М-04. Если они дойдут по ней до Дебальцева, то сядут и на вторую магистраль Е50/М-03, именуемую у нас в народе как Ростов – Воронеж. Из стратегических артерий останется у нас только Бахмутский шлях. Там ворота – Северодонецк и прямой выход степью на Луганск.

И вот на выдохе операции оказались наши архистратиги перед дилеммой: расколоть Луганщину в ухнарь или, как образно выразился «Команданте» Буслаев, «изъебнуться»?

Разрезать правильно, то есть – по центру, на север и юг у них один раз в Донецкой не получилось. Подобный сценарий вполне мог повториться и при прохождении линии Алчевск – Луганск – Станица. Кроме того, прямое заявление России о начале крупномасштабной военной помощи вплоть до ввода собственных «сил оперативного развертывания» в случае продолжения геноцида русского населения непризнанных территорий немного охладило горячих брюссельских парней и их киевских шестерок.

И тогда, почесав чубы, решили наши наследники запорожских браткив – лыцарив¹⁹ кистеня и баула – попробовать иначе. Пробить конгломерат Рубежное – Лисичанск – Северодонецк и потом по малозаселенным, тяжелым для обороны степным просторам, через крошечный одноэтажный Ново-Айдар, триумфально дотопать до пограничного выступа у села Городище. Кроме того, у них под контролем бы оказалась прямая трасса на Луганск – Бахмутка, и попробуй ее удержать в чистом поле.

Если бы у них получилось, то Конфедерация была бы разрублена надвое. Более слабые сельские районы под СОРОВскими танками, ЦУРОВскими военными и милицейскими частями быстренько легли бы под признанное мировой общественностью «конституционное правительство» и покорно раздвинули бы ноги. Остальных передушили бы в городах по очереди. Ну разве что мегаполисы Харьков и Донецк еще какое-то время продержались бы на подкожном жиру. Только долго ли?

Как последний вариант сопротивления у нас рассматривался вопрос отвода всех боеспособных частей на линию конгломерата промышленных городов: Красный Луч – Антрацит – Свердловск, да, возможно, вкупе удержали бы и Краснодон с сателлитами. Крепкий тыл донецких и близость с российской границей, возможно, и помогли бы закрепиться на этом рубеже. Да вот только до отчаянья плохо, когда рубеж – последний.

Пока с обеих сторон начали концентрацию войск, мою только собранную по крохам группу официально придали еще просто комполка и пока совсем не легендарному подполковнику Буслаеву. Задача была проста, как кол: шариться в треугольнике Северск – Кременная – Золотаревка и, совместно с другими группами заслона, засадными действиями остановить выход к подступам городов разведки, артиллерийских и авианаводчиков, а также прочих элитных частей противника.

Надо еще учесть, что в группе двадцать один человек с командиром, из тяжелого вооружения один старый «РПГ-7»²⁰ да на всех – ни одного пулемета, ни одной самой затрапезной снайперской винтовки и ни одного квалифицированного специалиста в ряде таких необходимых в подобных мероприятиях дисциплин, как минно-взрывное дело, техническая и радио-разведка. Да что там говорить, на девятнадцать автоматов – ни одного подствольника.²¹ Двое вообще без оружия! Даже примитивные самопальные растяжки поставить не из чего: на всю

---

¹⁹ Лицар (укр.) – рыцарь.

²⁰ «РПГ-7» – реактивный противотанковый гранатомет кал. 40 мм.

²¹ «Подствольник» (сленг) – «ГП-25», подствольный гранатомет кал. 40 мм.

толпу – пять гранат. Офицеров – настоящих, кадровых – тоже нет. Прибавив сюда площадь района – оквadraченных километров так под сто да условия – реликтовые леса у поймы Северского Донца, – нетрудно догадаться об эффективности наших походов за вражеским спецназом.

При всем том, что у меня одни мужики почти все отслужившие и чуть ли не треть «братья афганцы», всех побед – два обстрела вражеских групп с неподтвержденными результатами. Примерно такое же положение было и у других отрядов. Успехи – соответствующие.

Чуть лучше дела обстояли в полку. Опираясь на данные, получаемые от группировки и собственной разведки, постов и блоков прикрытия района, успев отладить хоть какую-то систему взаимодействия с местными органами власти и поселковыми отрядами самообороны, Буслаев, давая возможность самостоятельным отрядам и группам организоваться и набраться опыта, использовал нас, как он сам говорил, «на подхвате».

Только вот задних пасти как-то не с руки. После второго выхода я добрался до кунга связистов полковой секретки и, воспользовавшись статусом бывшего аппаратчика правительства Республики, дозвонился до Стаса.

В тот же день ближе к вечеру в Приволье – расположение штаба – въехала целая кавалькада из надутого важностью джипа и двух грузовиков. Комполка, поняв, откуда ветер принес высокое начальство, несколько раз очень по-доброму на меня зыркнул, но так ничего и не сказал – у Станислава Эдуардовича, моего однокашника еще со студенческой скамьи, мозги были поставлены правильно, и он точно знал, как правильно кормить овец, не вызывая плотоядной зависти у волков.

Кравец быстренько перетер с командирами, что-то показал на машины и, утвердительно кивнув своей охране, двинулся ко мне. Обнялись.

– Как ты? Назад – когда попросишься?

– Да нет, Стас, спасибо. Ну его на хер – ваш террариум... – Тему надо было срочно менять: мой фортель с уходом в боевые он, по старой дружбе, хоть и понял, но отнюдь не принял. А власти у него было всегда – выше крыши, а тем паче сейчас – после беспрецедентного переворота командарма Скудельникова.

Понятно, что он опасался за друга, но еще более ясно, что Стасу край как не хватало на посту руководителя службы контрпропаганды такого фрукта, как насквозь прожженный Деркулов. Но и меня подковерный маразм нашего горячо любимого правительства достал сверх всякой меры. Так что лучше перетягивание интеллектуальных канатов отложить на будущее.

– Ладно! Потом, брат, поговорим, а то меня Буслаев, после твоего отбытия, с говном сожрет. Чем порадуешь?

– Да так, привез тебе военного барахлишка всякого чуток. С Иванычем, понятно, поделился – тебе крохи остались; так что – не съест, не бойся. И народу – конкретного пару человек – тоже выцарапал, даже не спрашивай как.

Я заглянул через его плечо. У джипа члена Военного Совета Республики (вслух именуемого самими военными не иначе как «высер») стояло трое.

Какой-то затрапезный скособоченный дедок, присев, что-то писал в тетрадку. Рядом, с разбитой в баклажан мрачной рожей, стоял расхлыстанный, как будто его целой псарней травили, рослый парень лет за тридцать. И, наконец, сразу за стариком бесформенным утесом высился третий – явно деревенское сурло размером аккурат с трактор, на прицепе которого его два десятилетия назад папка с мамкой зачали под пропахнувшим молоком и навозом распахнутым деревенским небом.

– Ты че, бля, прикалываешься?

– Ни капельки, дружище... – Он улыбался во весь рот. Глаза откровенно говорили о том, что он действительно – не шутит... – Ты мне за каждого из них потом коньяк поставишь и в ножки поклонись. Народ – конкретный, говорю тебе.

– Угу... И в чем «конкретика» этих клоунов?

– Вот тот, что с грессбухом, – Иван Григорьевич. Фамилия – Передерий. Инструктор-подрывник. Дончанин. Гвардии старший прапорщик. И не отставник – с корабля на бал! Да еще и доброволец... – Подумав мгновение, Кравец добавил: – После лагеря. Смотри, не телепай мужика.

– Да он же – старик!

– Кирьян, не тормози, okay?! Ему годков чуть больше нашего. Говорю тебе – в лагере изувечили. Ну, и еще... охлостили его там. Он уже после больницы пришел... – Выдержав паузу, Стас добавил: – Из России пришел. Сам.

– Ни фиги себе... Остальные?

– Бугай, не поверишь – фамилия такая, прибил к этим на губе. Сидел за какую-то хрень. Вроде дезертир. Думаю, бык здоровый, тебе пригодится... – Стас достал сигареты, угостил меня и, смачно затянувшись, продолжил:

– Что до последнего, то тут тема отдельная. Хочешь, верь, хочешь, нет. Юрий Константинович Жихарев. Бывший командир разведвзвода или, кажись, даже роты, выпускник Рязанского десантного, ветеран Чечни, старший лейтенант запаса, кавалер правительственных наград, беженец-крымчанин, ну и доброволец, знамо дело!

– Эт, как же его угораздило-то так, и – в Чечню, и – крымчанин?

– Вернулся, говорит, на историческую родину, как с армии ушел... – Стас подумал и продолжил: – Пацан подрасстрельный. Взят под мою личную ответственность. Не подойдет тебе – сам шлепнешь. Учитывай.

– Нормально! И за какие подвиги такая слава герою Кавказа?

– Не смешно. Что он там натворил и почему ушел из армии, я не знаю. И никто не знает. Сам – молчит. Под трибунал попал из-за Передерия.

– Это как?

– Ты же знаешь, какой сброд в батальонах формирования? Беженцы, добровольцы, дезертиры насильника,²² шпана всякая неприкаянная. Вот несколько таких кавалеров параша решили прояснить вопрос о «пробитости»²³ Передерия и вообще, как именно его «опускали». Он, конечно, подорвался, дошло до рук, а тут, как назло, Жихарев. Мне комбат рассказывал. Говорит, тот взял со стола обычный кухонный нож и молча выпустил двоим кишки. Кореша за стволы. Этот – тоже. Еще один прибалтанный – с прострочкой в брюхе. Народ тупо стал в окна выпрыгивать. Дальше – как обычно. Ты помнишь, как Скудельников на уголовщину смотрит...

– Да уж. Это вам не правительство вывести во дворик областной администрации и к стеночке поставить...

– Так, Кирьян, пошел в жопу!

– Ладно. Мне ваша команда нравится, ты знаешь.

– Берешь людей?!

– Беру, конечно! С такой-то презентацией... Что с оружием?

---

²² «Насильник» (*жарг.*) – насильственная мобилизация в воинские части ЦУРа, имевшая широкое применение, как и дезертирство призванных таким образом военнотружущих. Термин пошел с ЦУРовских тюрем, зон и лагерей, откуда и были сделаны первые массовые мобилизации.

²³ Вопрос о «пробитости» – т. е. был ли он изнасилован в концентрационных лагерях. Изнасилования посредством декласированных элементов широко применялись в лагерях в качестве давления на заключенных, при тотальном попустительстве всех правозащитных организаций, стоявших исключительно на стороне признанного мировым сообществом ЦУРа.

– Ишь какой! За оружие, брат, коньяком тебе не расплатиться – будешь девок искать и сауну.

– Да без проблем. Отзвонюсь Светке, узнаю, каких именно – тебе подбирать.

– Му-дак!

– Да я знаю, Стас. Сорок с лишком с этим живу. Как она?

– И не спрашивай... Задрала! С твоей, кстати, часто видится... Не Ростов, а деревня какая-то. В общем – в две струи мне мозг долбят. Заметь – извращенно! А я – за двоих отдуваюсь. Тебе, сучара, в ломы позвонить бабе? Да?!

– Все, на хрен – закрыли тему. С оружием – как?

– Закрыли! – перекинул меня Кравец... – Сейчас закрою лавочку и поеду назад. Дрочись дальше, с чем есть.

– Стас! Ну не парь, ладно! Что привез?

– Привез... Два ящика мин, взрывчатки и всякого такого. Передерий сам выбирал – достал конкретно. «Кончар», «ПК», «АГС», две «СВД»,²⁴ десять подствольников и – для тебя, жаба, персонально – спарку «Шмеля».²⁵ Довеском – гранаты, патроны и прочее барахло. Начальнику тыла лично при случае в ножки поклонись. Можешь еще и отсосать, конечно. На будущее – не помешает!

Блядь, обиделся. Ну, все... только к вечеру отойдет.

– Ладно, Стасище... прости, братишка. Тут все – один к одному. Не дуйся. И спасибо тебе!

– Да, куда там, на тебя – обидишься... Поехал я – время. Да! Алене что передать? – Кравец стоял, выжидающе смотря мне в глаза. Две бабы реально могут достать кого угодно, даже навороченного члена правительства воюющей против всего мира непризнанной республики.

– Скажешь – нормально все. Малой я звонил в Воронеж. И ей отзвонюсь. Пусть не колотится...

Обнялись на прощанье. Мой высокопоставленный друг сам уселся за руль, на заднее сиденье полезли бойцы. Дёма, начальник охраны, незаметно приподнял бровь, кося глазами на шефа. Я, скорчив сочувствующую морду, молча развел руками, мол, хозяин – барин. Поговорили, однако. Он ловко упал на передний диван, франтовато уронил меж ног «АКМ»²⁶ и без слов, прощаясь, в знак приветствия растопырил пятерню.

Наше оружие и припасы народ уже выгрузил. Над раскладкой стоял Дзюба и, матюгаясь, отгонял особо любопытных.

Пора было принимать пополнение. Подошел...

– Моя фамилия Деркулов. Я – командир отдельной группы заслона, в которую вас привезли. Сначала – разговариваем, потом – принимаем решения. Итак... Ты – Бугай? Правильно?

– Ага...

– Не «ага», а «так точно». Как звать-то?

– Мыкола.

– И откуда ты такой – гарный хлопёц?

– З Мыколаивкы. Волновахського району.

---

²⁴ «Кончар», «ПК», «АГС», «СВД» – «ТКСВ»: «Кончар» – тактическая крупнокалиберная снайперская винтовка кал. 12,7 мм; «ПК»/«ПКМ» – пулемет Калашникова (модернизированный) кал. 7,62 мм; «АГС-17 «Пламя» – автоматический станковый гранатомет кал. 30 мм; «СВД» – снайперская винтовка Драгунова кал. 7,62 мм.

²⁵ РПО «Шмель» – реактивный пехотный огнемет. Состоит из выюка с двумя одноразовыми контейнерами с выстрелами. Боеприпас термобарический («объемно-детонирующий», или, безграмотно, «вакуумный»). По мощности примерно сопоставим с осколочно-фугасным снарядом кал. 122 мм.

²⁶ «АКМ»/«АКМС» – автомат Калашникова модернизированный складывающийся кал. 7,62 мм. Наряду с «АК-74» кал. 5,45 мм являлся основным стрелковым оружием войск Конфедерации и ЦУРа.

– Донецкая?

– Ага...

– Понял... Служить будешь или сразу – в бега?

– Ни... Буду.

– А чего дезертировал?

– Та... билы.

– Понятно, – развернулся к своим: – Дзюба! Олежа, прими пацана. И покорми сразу...

– Вы. Передерий Иван Григорьевич. Правильно?

– Так точно!

– Иван Григорьевич. Все просто. Здесь никого не ебет ваше прошлое и почему вас сюда перевели. Отвечаю! У нас – только добровольцы. Отморозков нет и не будет. Подрывник нам необходим, вы даже не представляете себе – как. Жить будете соответственно. Если решите остаться – буду рад.

– Да ничего. Все нормально. Я – с радостью! – Он немного суетился, было видно, что не ожидал такого приема и явно был польщен. Дядька действительно был чуть скособочен на правый бок и правда казался дедом, хотя, как я успел посмотреть в бумагах, ему было пятьдесят три года.

– Дзюба! Принимай командира нашей отдельной инженерно-саперной группы.

Народ радостно охнул. Передерий пошел знакомиться. Оставался последний... Парень стоял спокойно и расслабленно. Смотрел немного исподлобья. Ростом чуток повыше меня. Крепкий, мосластый, видно, что очень сильный и, наверное, резкий. Лицо разбито в сливу, постарались от души – но, кажется, ничего серьезного.

– Жихарев. Юрий Константинович? – Он лишь утвердительно кивнул. Ясно – к дискуссиям не расположен.

– Буду краток... Мне нужен такой офицер, как вы. Кровь из носу – нужен! Что произошло – знаю, вас – понимаю. Ни убеждать, ни удерживать не имею ни времени, ни желания. Если захотите уйти – дам автомат и сухпай на дорогу. Если примете решение остаться – поставлю заместителем командира группы и нагружу сверх всякой меры – мне деваться некуда. Выбор за вами...

Ему потребовалось некоторое время, чтобы осмыслить услышанное.

– Тот, что нас привез, сказал, что вы и ваши люди – из «афганцев». Правда?

– Да. Почти треть личного состава...

Жихарев как-то, почти незаметно, напрягся:

– Очень жаль, что я не встретился с вашим отрядом с самого начала.

Нет хуже пытки, чем заставить боевого офицера просить или благодарить. Слушать тоже невыносимо. Солдату патетика и мелодрама категорически противопоказаны. Надо ломать тему.

– Да мы, собственно, только и начинаем... Что вы решите, Юрий Константинович?

– Со мной можно на «ты».

– Со мной – тоже...

– Да! Без вопросов... Какие будут распоряжения, командир?

– Поесть. Переодеться. Зайти к врачам – Олежа покажет. Час, полтора поспать. Приду от комполка – поговорим.

– Есть!

За два дня, что я выторговал у Буслаева, произошло многое.

В первую же ночь исчез Передерий. Как выяснилось, пока Жихарь с Дзубой принимали оружие – народ успел накатить с дедом «за встречу». Юра, недолго думая, всем вставил по первое число и дал отбой. Но Иван Григорьевич не уgomонился. Ночью ушел на поиски чего

бы «добавить». Естественно, нашел – этого добра в селе хоть до смерти залейся. Утром его нашли уже синего. С той поры к нему намертво приклеилась погремуха «Денатуратыч». В дальнейшем подобных казусов старались не допускать.

Жихарь начал пристрелку оружия и подготовку личного состава. Поделили бойцов быстро. Чистых гражданских у меня, считай, не было, так что с базой дела обстояли нормально. Вопросы всплыли только со специализацией и тактикой.

На АГС поставили Олега Дзюбу. Он же, бывший старшина пограничник, из наших – азиатов, возглавил «пулеметно-гранатометную» группу. Снайперов, вернее – тех, кого ими назначили, вывели отдельно, и они ушли ко мне – в группу управления с идеей, что я их буду придавать отделениям по оперативной необходимости.

Деду в пару придали Бугая. Как выяснилось на занятиях, рюкзак в восемьдесят килограммов мин, взрывчатки, катушек и прочего саперного добра оказался тому не только впору, но и по силам. При всей простоте и даже какой-то бытовой хитрости (я думаю, что и сто килограммов за плечами ему не особо в тягость) парнишка был предельно исполнителен. Ну, и плюс, конечно, за ним – идейно-политическое воспитание Передерия. Мой новый зам сразу очень доходчиво, на пальцах, объяснил Мыколе, что он с ним сделает, ежели «Грыгорыч опять нажрется». Кажется – понял.

Передерий к середине дня очухался и выглядел достаточно бодро. По такому случаю он, вместо общей подготовки, лично для меня прочел двухчасовую лекцию на тему: «Мины как альфа и омега партизанской войны». Мужик без дураков, душой влюблен в свое дело и знает его, судя по всему, досконально. Вечером, для разрядки от дневной беготни, развернутый вариант этого «краткого курса» прочитали личному составу под карандаш да с последующим зачетом у стремительно восстанавливающего свой статус Денатуратыча.

Единственной проблемой оказались снайперы. На крупнокалиберку вообще поставили Кузнецова. Антоша – один из самых молодых бойцов группы – из всех войн на своем веку участвовал только в компьютерных битвах. Но зато бывший сетевой администратор похода и влет разбирался с любыми техническими заморочками, да и стрелял на удивление неплохо. Все равно эту пушку держать лучше поближе ко мне, вот пусть и ходит в командирской группе.

На «СВДшки» поставили Прокопа и Старого. А что делать?! Серега Прокопенко у себя в Гардезе²⁷ дослужился до старшего сержанта и хоть всю службу просидел в боевом охранении бригады, стрелять умел – каждому бы так. И коль уж он наотрез отказался командовать чем-либо и отвечать больше, чем за самого себя, то и – флаг в руки. Про Вову Стародумова и говорить нечего – с той же пятьдесят шестой мужик, которая десантно-штурмовая. Только вся служба – в третьем батальоне, а Бараки-Барак – не цапки-печки, тут и говорить нечего.

Половину второго дня пристреливали. У меня тем временем срослось с Буслаевым – дал добро. Иду порадовать Жихаря, смотрю – сидят у оврага, курят...

– Что сидим, не стреляем?

– Отстрелялись, Аркадьич. Нормально все. Получается.

Вот я бы удивился, если бы не получилось...

Заместитель командира группы все эти дни присматривается ко мне. Видимо, решил все же разок проверить на слабину.

– Кирилл Аркадьевич, тут такое дело... Ты ведь снайпером Афган начинал?

– Стрелком-гранатометчиком. «РПГ» – в карантине, «АГС» в роте. Надеюсь, ты меня вторым номером не поставишь?

Народу шутка про «второй номер» понравилась. Весело, уже хорошо...

---

²⁷ Гардез – населенный пункт в ДРА, место дислокации легендарной 56-й ОДШБр, 3-й батальон которой был дислоцирован в районе Бараки-Барак и вел боевые действия высокой интенсивности.

– Ну, в снайперах-то тоже походил по зеленкам?²⁸

– Юра. У нас высокогорье в основном, а не зеленки. Год лазил с эсвэдэхой... Ты к теме давай, а то так заходишь издалече, я бояться начинаю.

– Да... рассказал бы из специфики что-нибудь, пока теоретическая часть.

Вот гаденыш! И глаза-то, под синяками, такие невинные. Ну, ладно...

– Хорошо. Задача: представим диспозицию. Противник на открытой местности. Дистанция – четыреста метров. Вопрос – куда именно и как будете осуществлять прицеливание?

Не уловив в интонациях подвоха, Юра, соображая, «к чему бы это?», смотрел на подчиненных. Первый ожил Прокоп.

– Маховичок на четыреста, по верхнему угольнику – в середину корпуса. Ну, поправки какие, если че там.

– Ну, а ты чего думу старую гоняешь?

Стародумов растянулся в улыбке:

– Да так вроде и есть. Чего ж там – еще?

– Понял... Рассказываю. Во-первых. Маховик углов прицеливания у вас и так – «на четыреста», это – дальность прямого выстрела СВД, вернее, четыреста сорок метров, если я ничего не путаю. Следовательно, не хрен вообще его трогать в условиях леса и города. Вот когда будут дистанции – тоды и крути. Второе. Боковые поправки тоже не хрен лапать. Пусть стоит, как пристреляли, – здоровее будут. Тем паче – на таком расстоянии...

– Аркадьич, ну, ты нас, прямо как того чукчу, опустил! Ваще ничего руками не трогай. – Серега с Вовой, не уловив тонкости момента, откровенно развлекались.

– Не перебиваем командира! Записывать заставляю.

Ага, Жихарь, интересно тебе?! Не усидел на попе – засветился. Ну-ну... Сейчас огорошу, подожди чуток.

– Продолжаем. Третье и последнее. О чем, собственно, и разговор... Я, изначально, имел в виду – как осуществлять прицеливание. Не по наставлению, а по сути. Уловили? Ладно... на примере. Вернее – рассказываю... Ни в коем случае нельзя целиться в человека. Нельзя даже думать о нем как о мишени. Тупо о нем – забыть и никак – не думать! Выключить эту функцию в мозгу. Если позволяют кратность прицела и дистанция, нужно целиться в элемент одежды, в деталь экипировки, в цветовое пятно на крайний случай. Если далеко – в силуэт. Но абстрактно! Не в человека! Не думать вообще о нем как о личности, о солдате, духе,²⁹ враге. Просто – никак. Полный мороз в голове... Ясно?

Только сейчас заметил, насколько пристально и внимательно меня слушают. И лица – серьезные, все хиханьки – словно ветром сдуло. Даже мой зам, кажется, сражен... Ну, и шо, хлопчику, пэрэвирыв?

– А для чего – так? Это что, мистика какая?

– Вова! Нас всех учили в одно время. Ну, может, нашего старлея чуток позже. Тогда, ты помнишь, не было такого слова, как «мистика». Мы жеть – материалисты, забыл, что ли?! Значит, мысля что? правильно – материальна! Уловил, старик?!

Народ продолжал осмысливать.

– Браты, если серьезно, я не знаю, почему – так. Вернее, догадываюсь, а точно не знаю. Но – работает. Поэтому. Принял решение валить – вали! Но не воспринимай цель как живое. Все просто. Чуток потренироваться, и начнете делать зарубки на прикладах. Говорят, с ними хорошо в плен принимают – по-доброму.

Смеются. Это хорошо. Значит – запомнят.

Вова решил добить все, что знал, до последнего:

²⁸ «Зеленки» – зеленые зоны в ДРА. Традиционные места засад и обстрелов колонн и частей ОКСВА.

²⁹ «Дух, душара» (сленг) – здесь, как душман, моджахед – традиционный противник времен войны в ДРА.

– Это – понял, Кириллыч. Я чего-то думал, что ты про коленку расскажешь...

– Какую еще, бля, «коленку»?

– Ну, типа, бацнул в ногу, его вытаскивать – ты следующего...

– Угу, понял: «К вечеру батальон, прыгая на одной ноге, потянулся на юг».

Хоть и весело всем, а глазенки-то – горят. Ладно...

– В общем – так. Объясняю один раз. Сами напросились – теперь не обижаться. Уговор?

Прижухли чуток. Хорошо...

– Про коленку. Сомневаюсь, что в жизни вам попадутся такие пляжные условия. И уж тем паче, что вам позволят сделать более чем два выстрела. Скорее всего, в обратку вы наверняка получите срочную бандероль из тяжелого гранатомета, типа немецкого «Бункера»,³⁰ а вероятнее, схлопочете в сопатку из самой навороченной в мире контрснайперской винтовки – 125-мм танкового орудия.

О колене как цели – просто молчу. Жизнь не кино – ведь это вы на собственной шкуре прочувствовали. Если стрелять, то – в низ живота. Пулевое ранение в мочевого пузырь да сквозь пластину броника дает на редкость феерический болевой шок и очень хреновую транспортбельность – человека четыре, плюс плащ-палатка или носилки. В полевых условиях пулевое в брюшную – почти всегда – вилы, только не сразу. Ну, если, конечно, не задела аорту – слева, или печень – справа. Ну, это – так... Запомните, пацаны – вы не снайперы, в том понимании, какое обычно в это слово вкладывают. Вам ими только надо будет стать – скоро будем в городах рогом упираться. Пока вы обыкновенная пехота, только вооруженная более мощным и точным, чем «калаш», оружием с оптикой. Не более того! Но и это – не главное. У снайперов сама стрельба – дело третье или даже четвертое. Суть снайпера – в умении вычислить время и место, скрытно выйти на расстояние точного выстрела и потом благополучно вернуться живым, по заранее проторенной тропе. Разведка, целеопределение, выбор и осознанное создание своей позиции, маскировка и постоянный анализ – вот что такое снайпер! Плюс – нервы из проволоки, соображалка, как Антошин компьютер, и терпение, как у морской водоросли, а уж потом – стрельба, винтовки, прицелы и орден – во всю грудь.

Братишки – глазами жрут. Жихарев тоже – под впечатлением. Закрепим...

– Ладно, занимайтесь. Юра, вам еще час на стрельбу... Они у тебя с одного глаза стреляют?

– Да...

– Ну ты даешь! Отставить на хрен – сразу с обоих. Пусть с пупушка глаз ставят... Народ! Не тормозим – это вообще просто. Смотрите. Вы оба – правши. Вот приклад, плечо, локоть, щека... Вот прицел, вот правый глаз. Оба глаза – открыты. Сектор воспринимаешь как бы левым, а непосредственно прицеливание осуществляешь – правым. Как внутри головы – переключатель. Понятно? Попробуйте! За полчаса практики врубите, ничего сложного. Зато в деле никогда не будете слепы.

Третий загруз подряд моих в общем-то простых мужиков поставил по стойке смирно. Так, глядишь, бойцы и честь начнут отдавать. Теперь наш зам...

– Брат, ты ведь должен знать: туннельное зрение – ломать любыми средствами и без всякой жалости. Стрельба с одного глаза через оптику – самый короткий путь к «туннельке». Яволь?

– Есть, командир. Не вопрос – сделаем.

Отошли чуток, как бы провожая меня. Глянул, пацаны своим увлечены. Не выдержал:

– Ну, и че, душара, – проверил?

Старлей улыбнулся, скорчившись от боли в разбитых губах.

– Святое дело, Аркадьич, нам же вместе – ходить...

---

³⁰ Гранатомет «Panzerfaust» с ракетой «Bunkerfaust (Bkf 3)».

– Юр, в понятиях – не путайся, хорошо?! Это мне с тобой – «ходить», а тебе – «с нами», уловил разницу?

– Легко! – он опять перекошенно улыбнулся... – Ты больше народ так не грузи, с наезда. Сейчас репу почешут и пойдут назад за автоматами.

– Ничего, десантура – она к побоям привычная... – Помолчал и решил еще разок шпильку сунуть: – Ну, и не пехота, конечно...

Жихарь с интересом посмотрел на меня:

– Не любишь ВДВ?

– Хех! Кто ж вас любит-то, Юра?! Вернее, раньше – не любил, по горячему еще. Сейчас мне похер, кто – откуда. Да и пацаны, сам понимаешь. Проехали, короче...

Он чуток помолчал, по своему обыкновению, и спросил:

– Кирилл Аркадьич, скажи честно, откуда ты все, что рассказывал, знаешь?

– Да нас неплохо готовили.

– Понятно... В общевоинских, да еще и рядовому составу, такого – не дают. Даже не вопрос. Тут ты, командир, недоговариваешь.

– Да нечего договаривать, вот и все. Значит, попались офицеры неравнодушные, дали больше, чем требовалось... Не грузись, лады?! Закончишь с пацанами – сразу ко мне. С Иванычем договорились – дал «добро». Сегодня готовимся. Завтра – играем.

В разговорах с Жихарем и Денатуратычем проявились некоторые моменты. И раньше мы о них догадывались, а Буслаев – тот прямым текстом, не стесняясь в выражениях, разъяснял «откуда в жопе – алмазы», указывая на техническую разведку противника. Да и беспилотники³¹ крутились в небе с утра до ночи и с ночи до утра. Посты прикрытия, сельская самооборона и местные постоянно засекали группы и отдельных наблюдателей.

Юра мне на досуге вкратце поведал о переносных средствах разведки. Из всего перечисленного им изобилия я по собственному опыту помню лишь ночные бинокли да валявшуюся у нас в оружейке какую-то переносную «РЛСку».³² Правда, таскать ее с собой в горы желающих как-то не находилось, а посему «с чем ее едят» тогда осталось для меня тайной.

Как выяснилось, этого добра в мире – без счету. Особенно у наших заграничных друзей, которые, не жалея, снабжали своими техническими примочками армию ЦУРа. Больше всего меня «порадовал» раздел о радиоразведке и возможностях оперативного глушения и, совсем уж конкретно, о носимых тепловизорах. Блядь! Двадцать первый век у них, видите ли, на дворе, а мне – что делать?!

Под эти условия всей толпой разработали достаточно элегантную операцию. Когда план более-менее вырисовался и перестал походить на детский лепет, я пошел к комполка.

Буслаев, на удивление, с порога не послал, а, выслушав версию, – поддержал. Правда, достаточно своеобразно:

– Деркулов, если ты решил меня заебать, то ты нашел не ту сраку. На мою и без тебя мозгобебов хватает... – Комполка помолчал чуток и продолжил: – Это хваленое «Часов-Ярское перемирие» – филькина грамота. Подтереться и забыть. Мы – ни пункта не выполнили. Они – тоже. Со дня на день ЦУРюки вмажут по нам всеми своими силами. Бедные мы будем – поверь, и здесь, и в Северодонецке, и в Луганске. Дай нам боже успеть группы прикрытия вывести. С другой стороны, эти красотки шастают у нас, как у себя дома. Скудельников мне последнюю волосню на мудях повывернул. Результаты ему – подавай! И будет лютовать, сука, дальше – ты ж его лично знаешь. Когда отгребем, еще повесит на меня срыв разведдействий противника... –

---

³¹ БПЛА – беспилотные летательные аппараты, одно из самых эффективных средств тактической разведки описываемого периода истории. На солдатском сленге – «биплы».

³² РЛС – радиолокационная станция.

Видно было, что давно мужику неймется о наболевшем высказаться. Подполковник наконец встал, подошел ко мне. Внимательно, немного снизу вверх, посмотрел и, как бы мысленно померившись ростом, шириной груди и выпуклостью живота, вдруг ободряюще хлопнул всей лапой в плечо: – Хорошо, давай! – и, словно напутствие, закончил: – Обосрешься – лучше не возвращайся.

Дальше дело пошло как по маслу. Даже сам полкач принял непосредственное участие. На подготовку ушел еще один день. За это время мы с Жихарем смотались на рекогносцировку и, заодно, лично поговорили с Сергеем Трофимовым – командиром взвода прикрытия из батальона майора Колодия.

Комбат, обладавший на редкость подходящей его фигуре и характеру знаковой кличкой Колода, обстоятельно выслушав нас, спросил:

– А шо каже Дмитро Ивановичу?

– Добро дае, Михайло Богдановичу! Да вот только без тебя все под хвост – дядьке лысому, а не операция.

– Ну, горазд...

– Спасибо! Еще надо: шестьдесят шестой «газон» к 15–30 – под навесы элеватора, а тебя, Богданыч, лично, в штаб полка – ровно на два часа.

– Добрэ... – буркнул Колодий и скривился так, словно ему чарку перекисшего кваса налили вместо «горилки». Понятно, против Буслаева не попрешь, тот сам – похлеще бронекавалерийской бригады СОРа будет. Когда выходили, Богданыч, на дорожку, пробурчал себе под нос, но так, что и мы услышали:

– Дай – тэ, дай – цэ. Я вжэ не в тому вици, шо б даваты по два разы...

К 15–00 штаб операции окончательно выработал план взаимодействия – путь и порядок выдвижения, маршруты отхода и прикрытия, тексты условных радиокоманд и сигналов. Понеслась...

В 15–45 «Команданте», сидя на своей КШМ³³ где-то между Лисичанском и Северодонецком, вызвал комбата и по открытой связи поставил тому задачу – срочно прислать в штаб группировки одну БМП (дословно: «Только не распиздуху какую-не-то!») и человек пять-семь бойцов для сопровождения некоего лица.

Вышло очень правдоподобно. Колодий, привычно став в обиженную позу армейского вола, на котором пашут-пашут – вот-вот насмерть ухайдокают, на чистом окраинском убеждал полкача, «шо вин нэ як не може... та людей – нема... та що цэ такэ – коиться...» и далее, по давно накатанной колее. Буслаев грозно орал матом и весьма убедительно обещал употребить Богдановича «во все дыхательные и пихательные», если машины с личным составом к 18–00 не будет у штаба.

Весь этот цирк мы с Жихарем слушали по двум выделенным группе на время проведения операции «сто сорок восьмым»,³⁴ уже находясь в кузове. В том, что связь прослушивают, сомнений не было. В том, что территория может просматриваться, – были. Решили не рисковать – толпа террасами, положив затылки на грудь задних товарищей, как в кинотеатре, сидела на дне кузова, а тент прицепили так, что он болтался, и хотя прикрывал всех – со стороны, особенно в движении, создавалось впечатление, что машина – пуста.

Тем временем комбат вызвал командира роты майора Воропаева. Второй раунд прошел примерно в том же ключе. Колодий плакал: «Ну що тут зробіш... та цеж нэ я... а мэни шо робыты», ротный упирался до последнего: «Да где их взять... Михаил Богданович, вы же знаете... нет, это дурдом какой-то».

---

³³ КШМ – командирская штабная машина.

³⁴ Р-148 – переносная – приемопередающая армейская УКВ-радиостанция звена «рота – взвод».

Третьим на сцену Воропаев вышел на пару с Трофимовым. Там все было намного прозаичней: машину – туда, машину – сюда, отсюда – снял, сюда – поставил, и вообще – исполнять, твою мать, молча. Под конец беседы всплыла так нами до конца и не отрепетированная оказия с машиной. Серега стал чуток путано доказывать майору, что ему некуда девать какое-то имущество, палатку и прочее да людей снять – перебросить. Вроде тоже убедительно, даже я поверил! Наконец-то окончательно сошлись на том, что Воропаев пришлет за БМП еще и «газон». С чем мы и отчалили.

Буквально через двадцать минут, под наши спаренные с Жихарем шипящие матюги, бойцы группы спешно выгружались в разрезанном дорогой надвое ярочке меж Белогоровкой и Золотаревкой. Еще через десять-пятнадцать – мимо скрывавших нас среди кустарника и деревьев массетей по направлению в Лисичанск прошла мини-колонна БМП и, считай, родной «шестьдесят шестой».

Место было, без вопросов, аховое! Казалось бы, Луганщина – это вам не Гиндукуш и не отроги Памира. Да что там Афган – даже не Карпаты или Полесье, а места есть, самой природой созданные для засады. Причем с какой-то своей, колоритной, особенной подлянкой.

Когда окончательно стемнело и мы предельно осторожно вышли к цели, Жихарев не поленился и бесшумно слетал еще раз глянуть – с овражка на устье балки. Пришел довольный. Действительно! Если встречаемой нами группой выходить скрытно, то им придется пользоваться складками местности. И на выходе из оврага в балочку создавалось обманчивое впечатление, что ничего не меняется – все то же самое: овражек, кустики, деревья. Полная иллюзия безопасности и защищенности от постов. И лишь пройдя до середины прямой линии метров тридцать – там, где и планировался центр засады, – замечаешь, что ты уже аккурат посередине жаровни – меж непролазными кустами и плавно заворачивающим вытянутым скатом склона балки.

От БМП на холме слева (прыщ на окраине села, тоже мне – высота!), если смотреть по ходу выдвижения группы противника на город, – километр четыреста. От второй, Серегиной, на пригорке справа – ровно два, ну, может, чуть больше. Для глаза ночью – не видно ничего. Но Трофим утверждает, что со своей стационарной РЛС засечет движение даже одиночного бойца на дальности чуть ли не вдвое больше, чем эти расстояния. Жихарь уверенно подтверждает. Совсем не те переносные игрушки, типа моей, что в оружейке пылилась.

Складок местности тут предостаточно. Растительности – по пояс и кустарника – по маковку, да деревьев – одиночных и группами – еще больше. Даже что-то типа лесочка – прямо по курсу. В нем, кстати, ручеек начинается, на лето – пересыхающий, один из тысяч безымянных притоков Донца. Если стоит задача просочиться мимо машин прикрытия, то надо взять по правую руку от русла и, прижимаясь влево, пройти у края леса по оврагу и нырнуть в балку. С нее выползти на убитое шоссе меж одноименными Белогоровками – селом и станцией и... здравствуй, город Лисичанск! До тебя отсель – всего пять километров.

Именно поэтому Колодий с Воропаевым, настоящие кадровые офицеры и совсем-совсем неглупые мужики, ставили на этом участке взвод Сереги Трофимова из трех машин, а не из двух, как сейчас. Да еще собственными секретами и нашими группами перекрывали зону спереди и сзади. На чем, собственно, и весь расчет строился – место я еще в первом выходе заприметил. Главное, чтобы нас самих не засекли раньше времени. Тут дело такое: охота на кого-то может легко и быстро обратиться в погоню – у них тоже разные группы есть, и по оснащению, и по готовности рвать «москалькив» зубами.

С учетом всех факторов и подобрали место, хотя оно и вынесено вперед от линии машин дальше, чем хотелось бы. Зато итог – залюбуешься.

«Гнездо», как обозвал стоянку Жихарев, сделали там же, где и отсиживались, – на месте высадки. Замаскировали под сетями вещмешки, сухпай и запас воды в двух пятидесятилитровых кегах. Здесь же, при отступлении по основному плану, назначили и место сбора группы.

Дыша через раз, выдвинулись на позиции. Разросшийся вширь, густо поросший кустарником и отдельными деревьями, обмелевший овражек у входа в устье балки вновь углублялся и сжимался до теснины метров на десять в ширину. Сойдясь в этом месте, два ската балочки потом постепенно расходились метров до тридцати у самого поворота, плавным виражом закруглявшего дорогу влево к Белогоровке.

Расстояние от входа до конца поворота составляло порядка восьмидесяти метров. Прямая – до начала виража – метров пятьдесят. Отсюда и плясал. Расположились английской буквой «L». Точно по канонам так любимой военными привязки ориентиров – по циферблату часов. Путь прохождения встречаемой нами группы по местности точно соответствовал положению стрелок на «15–00», где «минутная стрелка» – длинный отрезок пути, «часовая» – короткий, после поворота, а соединение «стрелок» – начало виража.

На малом плече – во фронт гостям – я поставил огневую группу под командой Дзюбы: «АГС», «ПК», плюс два «свободных» автомата гранатометного расчета. Они, по замыслу, должны были пропустить головной дозор и рубануть идущих следом – в лоб, уверенно накрывая их по всей длине, да с возможностью отсечь пулеметным огнем от холма по правую от противника руку – длинное плечо буквы «L».

Кроме того, огневая прицельно простреливала сектор овражка на все десять метров ширины устья, а учитывая, что АГС я поставил левее пулемета, то их углы накрывали заросший овраг практически на всю ширину. Ну, это так – на всякий пожарный – ежели почетная делегация «первого заклания» вырвется из огневого мешка или несколько групп идти будут.

Чтобы обезопасить Олежу и его бойцов, пришлось сдвинуть позицию более чем на сорок метров назад, в глубину, и они точно заняли точки циферблата на точке «17–00» – для гранатомета и «17–30» – для ПК. Но теперь образовалась мертвая зона – не накрываемый ими участок в семь-десять метров. Зато вероятность обнаружения дозором сводилась к нулю. Была еще одна опасность – пулемет в темноте и горячке боя мог хлестнуть по склону холма и зацепить основное ядро нашей группы. Эту задачу я решил самым примитивным и надежным способом – взял один стальной колышек-уголок у Денатуратыча и до середины вогнал его у ствола, предварительно нацеленного на угол теснины, ПК. Кондово, но действенно.

На самый край, за огневой группой, на «16–00», поставил двойку снайперов, в этот раз по старой памяти взявших на операцию привычные «АК-74». Что им ночью тут с СВДшками делать? Задача Прокопа и Старого была, наверное, самой сложной – утихомирить головной дозор, если таковой будет. Причем расстрелять его в упор не по ситуации, а по общей команде – синхронному подрыву сюрприза Денатуратыча. И, в довесок, не засветиться первыми, потому как кому-то одному надо будет следить за дозорными, а не лежать мышами, как ядру за гребнем ската. На такое стремное дело я прибавил к ним кандагарца Саню Чепеля. Как раз братишка оказался со своим РПГ (взяли на всякий случай – чтобы голова не болела!) вместе с остальными афганцами.

О маскировке групп огневой поддержки и захвата дозора позаботились загодя. Передевший еще в расположении заготовил хорошую фашину толстых ивовых прутьев и моток бечевы. На дневке вместе с Мыколой он из них и свеженарубленных ветвей сообразил четыре разномасштабных щита – на АГС, ПК и два длинных для автоматчиков. После установки Юра дополнительно заставил набить сырой травы до самой середины загородок и, в довесок, отрыть всем по неслабому окопу, чтобы не засекли, если там будут тепловизоры или приборы ночного видения.

Вдоль длинного плеча за скат – с левой стороны «минутной стрелки» – вытянулось десять бойцов ядра группы и их командиры: Жихарев и последний мой гвардеец – бывшая пехота

кундузского разведбата – Борек Никольский. Тут задача самая простая и в то же время самая ответственная – добить гостей после подрыва так, чтобы не ушел ни один. Пока расставляли, Юра выдвинул Борю вместе с одним пацаном на самый край холма – в наблюдение.

Меж плечами – в углу «эльки», или точке соединения «стрелок» – под корнями нескольких мощных деревьев расположилась моя группа управления: Антоша с «дурой», Грыгорыч с Бугаем, а между ними я со своими думками. Вернее, мы только должны были там находиться, пока же меж корней залег один снайпер, которому не то что подсветку на прицеле включить, даже винтовку разложить не разрешили. Всеми покинутый пацан, боясь лишний раз пошевелиться, внимательно вслушивался в шуршащее молчание «сто сорок восьмой». По договоренности с комбатом я на связь не выходил ни при каких штатных ситуациях – только слушал.

Мы же, вчетвером, занялись главной составляющей нашего замысла. План Денатуратыча был убийственно прост: вдоль предполагаемого пути продвижения вражеской группы высеять, как он фигурально выразился, «озимое поле». Что это за хрень – «ОЗМка»³⁵ – я еще по службе хорошо помнил. Только мы их, как Жихарь с Дедом, «озимыми» не называли. У нас ими наиболее опасные участки перекрывали да вокруг точек минировали. Сами на операции не брали, но в колоннах и в рейдах на броне ящик на роту с собой возили. Шестью штуками этих зараз можно конкретно перекрыться, не то что грохнуть отряд из засады.

Денатуратыч посчитал по-своему и поставил в линию вдоль «минутной стрелки» три мины. Одну – прямо на входе в устье, с расчетом: «А вдруг?!» – порадовать тех, кто сзади может идти или остаться. Вторую – через пятнадцать метров от первой и еще через пятнадцать – третью. Сказал, что задал двойное перекрытие радиуса сплошного поражения и, по его идее, в линейном пятидесятиметровом секторе основному ядру добивать, пожалуй, никого не придется.

От последней «ОЗМки» метрах в двадцати прямо у стены склона в середине поворота, стоя раком, нацелил одну «МОНку»,³⁶ дабы она направленной полосой своих осколков рубанула по ногам идущих друг за дружкой гостей. Тоже, говорит, «двойное перекрытие»... Ну, это мы потом усвоили! Деду главное – «шоб наверняка», никакого чувства меры.

Мины Передерий устанавливал и подключал к проводу сам. Случаю Дед не доверял вообще никогда, и вся операция изначально готовилась под управляемый подрыв. Ямки копал Бугай. Жихарь же порадовал всех ловкой подружкой дерна под кабель (хотя, как по мне, ночью да в такой траве гофрированный шланг от говнососки можно проложить незаметно, не то что какую-то проволочку).

Еще две мины установили на скате холма снаружи устья – на случай, если решат обойти. Одну «озимую» на растяжку в густой кустарник склона с нашего бока – на «11–00», и через балочку «МОНку» на другой стороне, где «13–00». Там как раз одна козья тропинка вокруг всего яра прямо в поселок. Когда ставили, посчитали, что если наши визитеры вдруг двинут не через подготовленный нами проход, а иначе – хоть услышим вовремя.

Знать бы заранее, как оно на самом деле будет...

До утра пролежали не шевелясь. Не знаю, как кому, а мне тяжелее всего было обходиться без сигарет. Но тут ничего не попишешь. На смотре перед выходом сам приказал старлею собрать у народа все курево, спички и положить в его ранец. Даже повода оскоромиться чтоб не было. Приходилось теперь марку держать.

С рассветом отвели ядро группы. Поменяли и сместили наблюдателей на мою позицию. Как рассвело, оставив секрет, отошли в «гнездовье», выставили охранение и, пристроившись меж деревьев, отсыпались под маскировочными сетями.

---

³⁵ Противопехотная мина «ОЗМ-72».

³⁶ Противопехотная мина «МОН-50».

В 16–25 с тыла появился «ГАЗ-66». Сбросив скорость, пропылил мимо на пост БМПшки прикрытия. Из-за оттянутого тента кузова суетливо высунулся баскетбольный мяч багровой морды нашего крохоборчика – старшины, интенданта и генерального снабженца «всем на свете» – Жени Стомбура. Озираясь вокруг, он стал рыскать по лесочку глазами. Увидев мой сигнал, без слов поддал подбородком вверх, мол: «Как дела»? Я кивнул и отмерил на руке размер пойманной рыбы. Жека скорчил набок прищуренную репу, типа: «Расслабься, старик, все будет чики-пуки!» – воровато выкинул в кусты стянутый шнурком объемный полиэтиленовый пакет да, опасно свесившись за борт, прямо на ходу легко поставил на дорогу два двадцатилитровых баллона воды. В следующий раз его с собой возьму. Как раз, кабан, потянет два короба от АГСa!

Яблоки, чуток слив – всего килограммов пять. Плюс приклеенная скотчем к плоскому шкалику коньяка записка от комбата: «Разговаривал с Ним. Говорит, что-то затевается. Смотри в оба. Целую. Твой». Вот ведь жизнь какая штука непредсказуемая! Ну кто, спрашивается, мог подозревать о присутствии такого качества, как чувство юмора, у майора Колодия?!

На моей частоте все так же шипело ни о чем. На Серегинной – вяло переговаривались. Спать больше не мог. Плюс Антоша, поставленный наблюдать за командирским храпом, выгнул меж лопатками пластину моего бронежилета и себе, не иначе, гематому на локте набил. Стрелять, если придется, теперь, наверное, не сможет.

Ночь прошла также без изменений. Народ потихоньку тупил. Все научились разговаривать и слышать собеседника шепотом и бесшумно закапывать в кустах то, чем нагадили.

Мы с Жихарем твердо договорились, что поутру третьей ночи глушим коньяк либо за победу, либо за отлично проведенные учения, по обстоятельствам.

Денатуратыч смотрел на нас глазами больной глистами собаки, но так ни слова и не выцедил.

Ровно в 24–00 в эфире начался какой-то движняк. Юра по сигналу подтянулся ко мне и минут пять слушал переговоры. Потом, сказав, что это ему «край как не нравится», пошел драть народ.

В два на волне Трофимова раздался голос Серегина:

– Первый, Второй – внимание! На линии движение. Всем приготовиться! При выходе противника на рубеж – огонь! – Выдержав паузу, продолжил: – Персональных сообщений нет. Действуйте по обстановке... – это для меня, понятно.

Вернулся Жихарь. Глаза горят, скулы бугрятся.

– Командир! Похоже на начало штурма Лисичанска.

– Или опять нервы треплют... Или провоцируют... Или еще какая хрень...

– Начнется – останемся в глубине наступающих частей. Потом не выйдем.

– Есть внятные предложения?

– Уйти или остаться. Тебе решать...

– Юр! Не задирай! Мы ждем. Если пойдут всем фронтом, чего раньше никогда не было, укусим и уйдем огородами. Даром три дня загорали? И встретить есть чем, танки здесь не пойдут по-любому.

Он, пристально вглядываясь в меня, кивнул.

За спиной старшего лейтенанта быстро замигали синим. Ткнув, указал ему на сигнал. Распластавшись, Жихарь скользнул к своей группе. Все замерли.

Через пяток тягостных минут от кустарника устья отделились неясные тени и, войдя в зону, присев, замерли. Единственная голова, которая смотрела на них из-за корней дерева, от греха подальше опустилась вниз. Не помню, чтобы я вообще когда-либо так слушал – до ломоты, до звона в давно контуженных ушах, до плывущих по векам зажмуренных глаз цветных пятен.

Антоша легко коснулся рукой моей подошвы. Вновь высунул глаз. Тени беззвучно поднялись и медленно шли вперед. Метрах в тридцати за дозором показались новые силуэты. Пройдя полпути, тройка вновь встала на колени. Все повторилось.

Идущий в голове, прижав приклад крутой винтовки к плечу, изготовившись, напряженно вслушивался в темноту. Второй осматривал пространство и склоны балки в какой-то прямоугольный прибор. Замыкающий, опустив голову и придерживая пальцем наушник, другой рукой вращал ручки плоского короба на груди.

Ночь, празднично высветив сияющую гирлянду Млечного Пути, всей своей чарующей прелестью – санным благоуханием, влажной свежестью и многоголосым хоралом насекомых – ласково баюкала гостей заупокойной литией.

Опять опустив голову, я положил руку на плечо Денатуратыча. Тот парализованно замер на животе ниже ската и жег меня безумными глазами. К самому подбородку был прижат маленький рыжий цилиндр эбонитовой взрывной машинки.

Дед, как я тебя понимаю! В голове безумной каруселью бешено вертелись всего две мысли: лишь бы не заметили да у кого-то из наших нервы не сдали. Ничего более! Остальное – пофиг!

Кинул глазами ниже. Антоша, увалившись на спину, напряженно тискал лежавший поперек груди «Кончар». Приклад был отомкнут, сошки разложены. Наверняка включил прицел и снял предохранитель. Сучонок! Я все понимаю: азарт, готовность, яростное предчувствие – все, что хочешь. Все! Кроме дополнительной дырки в собственной заднице!

Бугай сидел на корточках ниже и, опершись на автомат, спокойно пас «своего Грыгорыча». С этим – норма.

Тройка поднялась и вновь двинулась по середине балки. За ними, метрах в тридцати, не останавливаясь, в устье втягивалась колонна. Шли грамотно – шаг в шаг, гуськом, с интервалом в два-три метра. Не авианаводчики, не разведка, не диверсионный отряд. Как минимум, стрелковая рота или скорее даже штурмовая; когда дозорные вошли в вираж, я заметил, что они в СОРОВских десантных камуфляжах. Мда... это тебе не спехом набранные крипаки³⁷ подневольные.

Бесшумно нажимаю на тангенту радиостанции. В наушнике раздается тональный щелчок – оговоренный сигнал «Приготовиться!». Замыкающий тройки тут же подает знак, и дозор вкопанно останавливается. Я рывком сдавливаю плечо Денатуратыча.

В застывшей на миг тишине со звенящим в голове гулом рванула МОНка. Через мгновение, пингвинами выпрыгнув из-под земли на полтора метра, грохнули «ОЗМ». Над деревьями повис выворачивающий душу истошный визг их стальных роликов. Просунувшись вперед, я ударил с подствольника в середину дозорной группы и, следом, вложил вдогонку очередь на четверть магазина. Этих и без меня по-взрослому встретили: три автомата длинными очередями кромсали распластанные фигуры.

Мне пришлось поторопиться, и дозор не успел дойти до «точки встречи». При взрыве они только и успели, что развернуться спиной к своей персональной засаде. Да и ориентировался я не по ним, а по основной толпе. Видимо, шли уже долго и нарушили обычную дистанцию «прямого видения», а допускать голову цепи в поворот изначально никто не собирался. Подрыв произошел по всей длине нитки. Вот только в овражке неизвестно сколько еще народу оставалось.

Бойцы основной группы, пропустив над головой воющую начинку «озимых», вылетели на скат, дали залп из подствольных гранатометов и кинжальным огнем по плану тупо положили в противника по магазину. Каждый третий начинал с осветительной ракеты в противо-

---

³⁷ Кріпакі (укр.) – крепостные.

положные кусты. Борек – с «фонаря»³⁸ над оврагом. Первые магазины у всех были заряжены по формуле «три плюс один». Третий – трассер.

Вибрирующей магниевой звездой, замершей на щелчке фотовспышки, ракета, пьяно раскачиваясь под парашютиком в небе, заливала округу призрачным, каким-то мертвящим светом, оттеняя своей запредельной, морозной отстраненностью яркие малиновые трассы; короткие, отсвечивающие сине-фиолетовым и алым разрывы гранат; истошный ор, рык и животные вопли с обеих сторон.

Весь огневой налет продолжался не более пяти секунд, считая с чуть задержавшимися «осветителями» да с особо продвинутыми обладателями пулеметных магазинов. Отстрелявшись, заученно кинули по «РГДшке»³⁹ и под окрики Жихарева и Никольского начали маневр разворота ядра. Старлей с тремя бойцами, подтянувшись наполовину, развернулся во фронт, а остальные под Борины матюги, уплотнившись, упали почти под мою позицию и открыли плотный огонь в овражек.

Огневая группа тем временем прикончила первую ленту короба «АГС» и сотку «ПК». Пройдясь густым зигзагом по распятой колонне, они, не встретив никакого отпора, сразу перенесли огонь, сосредоточенно ударили в устье балки и по площадям оврага.

Навскидку два десятка бойцов противника легло так, как и шло походным строем. Большинство сразу пошматовало минами, остальных выкосили в считанные мгновения подствольники и сплошной огонь автоматов. «РГДшки» добивали мертвецов.

Сколько противника сконцентрировано в овраге и на подступах, каковы потери там, неизвестно. Меж тем они подозрительно быстро опомнились и ответили. Причем с порога, не раскачиваясь, вмазали так, что я, не затягивая, дал красную ракету – команду на общий отход...

Не успел Жихарь закончить маневр, как метров с восьмидесяти через кущи, в склон и по группе огневой поддержки разом ударило пяток штурмовых винтовок. На звук однозначно не «калаши». Старлей, перекинувшись за скат, уложил людей, и тут же с тыла им в спину врзало еще несколько винтовок. Били не прицельно, но размашистыми, не мелочными веерами. Блядь, Буслаев, накаркал: на флангах шли боковые дозоры. Поспешили – им не обстреливать нас надо было, а отрезать. Прикрывать здесь больше некого.

Пока ракета догорала в воздухе, Юра успел скомандовать, и бойцы дружно слили по магазину в сторону дозоров. Антоша, не теряя времени и не особо выбирая – коль еще можно, – грохнул в бьющих с противоположной стороны. Краем глаза заметил, как пацан на мгновение «завис» от отдачи, а главное, от валяющей с ног звуковой волны. Видать, на пристрелке он так и не успел со своей крупнокалиберкой свыкнуться. Ну и как тебе, сынок, такой вот рулезный шутер⁴⁰ от первого лица?

Добавляя крепким словом скорости народу, вместе с замом засели под корнями. Первым в отход пошел Никольский, он же и повел основную толпу. Следом за ними – Передерий с Мыколой с установкой задержаться на полпути в распадке на повороте, примерно в километре от засады и в двух до места сбора. Наступая на пятки саперам, грузно протопали афганцы: Чапа, Старый и Прокоп. Не самый худший заслон ушедшей группе и Деду с напарником.

Пропуская всех, вдруг осознал – огневая до сих пор ведет бой! Толкнув крестьящего с подствольника на три стороны старлея, отправил его к ним и, следом, дал еще одну красную – для близоруких – в крону деревьев над их головами (может, за шиворот хоть что-то упадет –

---

³⁸ «Фонарь» (*сленг*) – 50-мм осветительная ракета.

³⁹ Ручная осколочная граната «РГД-5».

⁴⁰ «Рулезный» (*жарг.*) – от английского «rule», «rules», т. е. лучше всех, круто, рулез, рулит (существенно превосходит); здесь: самый современный, последний. «Шутер от первого лица» – от английского «Shooter» (стрелок), т. н. «стрелялки», разновидность компьютерных игр.

разбудит). Ну что за мать-перемать?! Дзюба, ёпырс, ты же не пацан зеленый, что же ты, сука, делаешь?! Сейчас отсекут – все тут ляжем!

Антоша, оставшись последним, меж исправно усиливающим огонь овражком и двумя клещами обложившими балочку группами, если и нервничал, то виду не подавал – каждый раз вздрагивая всем организмом, осмысленно бухал по огонькам.

Жихарь не успел. Не мог успеть! С высотки за лесом метрах в двухстах, через голову сидящих в овраге, мощно упорол крупнокалиберный. Просто вмочил! Прицельно, основательно и очень точно – прямо в плюющий огнем «АГС». Как только гранатомет смолк, пулеметчик на той стороне чуть повел стволом, и с позиций моего ПК ошметки полетели да срубленные лилово-оранжевым ветви. Приехали...

Схватив Антошу за шиворот и заодно подцепив лежавший под боком «Шмель», рванулся к тропе.

Вовремя! Разорвав окоп «ПК», пулемет взялся за наш угол. Метров через сорок на границе видимости уложил снайпера в гнилую промоину и сказал:

– Кузнецов! Три выстрела... Попади! Потом по тропе, до прогалины. Пятьдесят метров. Жди нас. Услышишь, что завязли... – меня на мгновение прервал грохот сработавшей на склоне «ОЗМки»... – уходи в гнездо. Дед на повороте. Минируйте тропу.

Антоша смотрел глазами человека, изо всех сил не хотевшего умирать. Я не мог его так бросить. Наклонившись, крепко взял за шею и, глядя прямо в глаза, с нажимом прошептал:

– Выполняй – точно. Тогда – выживешь. Нет – умрешь. Попади в него...

Он развернулся и стал выставлять сошки. Крупнокалиберный рычал вдоль тропы короткими, далеко прорубающими кустарник трассами. Над головой траурно завывало, и на склоне холма на моей позиции и по всему склону прошла серия взрывов. Это не подствольники... Это – жопа!

Метрах в трехстах в сторону станции болотными всполохами замигали огоньки развернувшейся минометной батареи. Если они перенесут огонь на тропу – не выйдет никто. Координаты возьмут по GPS.⁴¹ Легко!

Радиостанция вырубилась сразу после открытия огня. Помощи просить не у кого и незачем – не успеет никто при всем желании. Теперь – быстро управятся. Не так, конечно, как с теми – в балочке оприходованными, но и нам без резвого маневра лежать здесь, как и им, без единого шанса.

Рванулся к выходившим на тропу. Одного волоком тащили на плащ-палатке. Второй, шатаясь, еле полз следом. Замыкал Жихарев с гранатометным станком на плече и телом «АГСа» в руках.

Сзади лупанул Кузнецов и сразу – еще раз. Крупнокалиберный заткнулся. Через несколько секунд Антоша вылетел на меня. Молча перехватил и показал глазами на людей. Антон понял и подлетел к раненому. Я успел рассмотреть бессильно мотылявшуюся по брезенту русую голову.

Что же ты, Олежа, наделал?!

Крикнул вдогонку:

– Юра – с тропы! Минометы!

Он, обернувшись, кивнул. Глаза тоскливо смотрели на меня. Я отрицательно покачал головой – «выводи»!

Гости наши – молодцы, слов нет. Не дернули назад, не влезли рылом в грязь, да и давят крепко. Правильно! Давите... Мы тоже сейчас придавим – на посошок.

Ну, и потом... Должно же у Кирюши быть детство?!

---

⁴¹ GPS (от англ. Global Positioning System) – глобальная позиционирующая (навигационная) система.

Сместившись влево, оказался у края лысой опушки. Минометы размочивали остатки позиций на вираже. Пехота внизу готовилась к рывку в балку. Батарея сейчас перенесет огонь и начнет методично перекрывать пути отхода. Если их не заткнуть, то все – кранты. И махру⁴² тормознуть хотя бы на пяток минут. Только вот – где?

На их месте я начал бы сразу с двух сторон. С одной еще есть «МОНка», со второй они должны сконцентрироваться вот в этом месте. Если действительно был подрыв «ОЗМки», то там сейчас перевязывают раненых и собираются до кучи. Ну, а если саперы кошками сдернули растяжку, то вообще просто. Я вычленил глазом квадрат семь на семь метров и, старательно приложившись, ухнул из огнемета в его середину. В сотне метров тяжело и низко громынуло.

Даже не глядя на результаты, развернул спарку и врезал по минометам – благо все расстояния дальномером заранее пробиты и «двести шестьдесят метров» до той полевой пропелшины у меня в памяти на заветной полочке схоронены. Сверху вниз да неполных триста дистанции – для «Шмеля» то, что доктор прописал. Кроваво-красным светлячком граната метнулась к батарее, и та каракатицей, накрывшись дымной тенью, тут же смолкла.

Теперь – только время!

Пот заливал глаза. Ну, это мы еще двадцать лет назад прохавали: лоб ночью автомобильной фарой светит. Лучше под шапочкой пропотеть, зато мозги на спину ненароком не обронишь. Железа на мне с избытком, да и у самого хорошо за сотку живого веса. Не стайер, одним словом.

Где-то сзади и с боков густо стреляли. Вновь стали рваться мины, но намного дальше, в глубину. По звуку не поймешь, достают наших или нет. Иногда поверху проходили пулеметные трассы. Главное, чтобы никому не напороться, если сбоку подвалит подкрепление. Хотя и маловероятно. Гостям догнать мою группу можно только по тропе. В обход далеко не уйдешь – там днем черт ногу сломит, что уж за ночь говорить.

Выскочил на поляну с сердцем в глотке. На подходе сквозь рев прокуренных легких и свист вылетающих со всех дыр слюны и соплей услышал окрик:

– Кто?!

– Деркул!

Прошел шагом мимо перепуганного Антона и ввалился в поворот. Передерий потерянно сидел у тропы. На мой немой вопрос он поднял уползавший в жирный куст моток зажатой в руке проволоки. Жихарь склонился над одним из бойцов. Внизу белели пятнистые бинты перевязываемого пулеметчика. Юра, посмотрев на землю за плечом и на меня, отрицательно качнул головой.

Там лежал Дзюба...

Сиплое, короткое, прерывистое дыхание через открытый рот. Голова запрокинута. Мелко сучащие, подрагивающие руки. Молочно отсвечивающее, мокрое от пота лицо. На месте таза намотан огромный узел бинтов, какого-то тряпья и плащ-палатки. Упершись под самый лоб, глаза устремились в будущее, которого у него больше не было. Только прошлое...

Вот так. Мотался братишка на «уазике» и на своих двоих из «Душманбе» на погранзаставу и назад, мимо «вовчиков» и «юрчиков»,⁴³ афганских духов и местных наркокурьеров, продажных мусоров и оскотинившихся партейцев, новоявленных баев и прочих тварей. Все видел, всего хапнул – полными горстями дерьма: и под пулями полежал, и по минам поездил, и пацанов потаскал. И вот тут, на пороге собственного дома, догнала... забрала Косая свое, что давно ей причиталось.

---

⁴² Махра (сленг) – пехота.

⁴³ «Вовчики», «юрчики» – названия противоборствующих сторон (условно – «проваххабитских» и «просоветских») во время гражданской войны в Таджикистане.

Подняв глаза, я рывкнул в сторону тропы:

– Какого хера вы, блядь, сидели?! Ракета – для кого была?!

Кто-то придушенно прошептал:

– Дзюба ленту свежую добить хотел, а «ПК» уже снялся, и выходил...

– Да не вышел, смотри! – Ладно, что орать-то. Толку? – Антон! – Когда тот появился, продолжил: – Передерий! Заканчивай и вперед, никого не ждешь. Место встречи – по плану. Кузнецов! Винтовку и два магазина – сюда! Схватил «ПК». Бугай! Твой – «АГС». Полностью. Оба помогаете расчету с раненым. Дзюба, Жихарев остаются со мной... Выполнять! Бегом!

Мужики, дернувшись от окрика, за несколько секунд загрузились и ушли. Следом, опустив голову, прошел Дед.

Жихарев поднялся:

– Иди, командир. Догоню...

Он стоял прямо передо мной и был готов, тут даже и сомнений не возникало. В листве над головой чирикали латунные птички. Ожившая батарея лихорадочно укладывала мины на сто метров ближе и левее, чем следовало. Примерно в ту же степь глушил и пулемет. Решили, что мы будем уходить в Белогоровку, вероятно, их ввел в заблуждение разгоревшийся там бой. Может, просто отсекали от села, а следом за нами по тропе с горящим взглядом летит «на добивание» десяток «охочих». ⁴⁴ Сейчас как-то все равно, что у них в голове. Самим бы разобраться.

– Юра! Я своего на такое одного не оставляю... – Он поднял руку, но я не дал сказать: – И мне пофиг, что ты по этому поводу думаешь. Или – вместе, или – догоняй народ. Базара – не будет...

Глаз я так и не поднял. Сейчас не время в гляделки играть. Еще пара слов, и кто-то из нас свалится возле Дзюбы. Без командиров – лягут остальные. Но и уступить – нельзя. Лучше сразу – ствол в пасть и застрелиться к херам собачьим.

Непонятно передернув плечами, он тихо ответил:

– Подержи голову...

Старлей встал на колено и потянулся к ноге. Опустившись, я зажал виски Олежа меж ладонями. Жихарев вытащил нож, аккуратно ввел лезвие плашмя в рот и мощным, быстрым ударом в торец рукояти – как в долото – вогнал его под углом к затылку. Тело на миг вздрогнуло, выгнулось дугой и обмякло.

Я встал и поднял за кронштейн винтовку. Юра, не без усилия вырвав финку, порылся в карманах Дзюбы, нашел какие-то документы, спрятал и, не глядя на меня, двинулся по тропе.

Вышли к стоянке. Посмотрел... Народ понуро встал навстречу. Одному перевязывали плечо и ногу. Двое стояли со светящимися в темноте бинтами. Еще боец, с белой головой, сидел чуть дальше возле плащ-палатки с пулеметчиком. Зашибись! Один – убит и позорно брошен. Пара на руках, третий – не поймешь, двое – поцарапаны. Третью группы! Повоевали, бля...

Никольский подошел ко мне и, дружески положив руку на плечо, сказал:

– Кириллыч. Брат. Что сделаешь?! Не выполнил приказ – попал...

Я поднял глаза:

– Матери его расскажешь, хорошо?

Борек отшатнулся.

Слева горела Белогоровка. На окраине мощно полыхала БМП. Вторая, трофимовская, тоже огненным фонтаном пылала справа – на половине дороги между нами и станцией. Связи не было ни с кем.

Впереди занимались окраины города.

Так начался штурм Лисичанска.

---

⁴⁴ Охочий (укр.) – желающий, т. е. вызвавшийся, доброволец.

* * *

При переезде трассы, меня встряхнул и выдрал из полудремы свистящий прямо в ухо шепот перегнувшегося через борт Передерия:

– Аркадьич, Аркадьич! Смотри! – Чуть дальше въезда во двор шахтоуправления, на тропинке под заборчиком, тихо пристроилось несколько гусеничных и колесных машин с массивным навесным оборудованием. В темноте особо не разобрать, но, видимо, какая-то специализированная техника. Судя по восторженным интонациям, фанат Денатуратыч свое родное увидел.

– Дед! Залезь, на хрен, в кузов – свалишься сейчас! – Он что-то еще успел быстро протараторить, но я уже занялся Педаликом.

– Ты, сучонок! Почему не разбудил?

– Так ведь... Не спали вы!

Еще два раза крутанув рулем и поддав газу, он мягко притормозил возле отшатнувшейся от машины группы людей. Ума не приложу, как наш водила так быстро ездит без света в темноте, при этом до сих пор никого не задавив.

– Не спали... Машину за угол – ждешь команды. И не тупи, понял!

Согласно кивнув головой и наверняка постанывая про себя: «Ну, вот, снова – ни за что!», Жук по-кошачьи вырулил меж двух грузовиков и тут же растаял вместе с «газоном» в ночном мраке.

Пока подошел «КамАЗ» с Жихарем, в меня энцефалитным клещом снова вцепился Григорыч:

– Командир, ты видел?! Ну, скажи – видел?!

Понятно, сам – не отвяжется. Надо было коньяком поделиться, да вот только стремное это дело – с Денатуратычем.

– Дед, что я должен был увидеть такого? Стоят машины, три штуки. Твои машины, саперные. Что дальше?

– Не саперные, а инженерные... ладно. Это универсальные минные заградители. Новые! Самые крутые! Механизированная постановка минных полей... каких хочешь – полей... – Он смотрел на меня так, как будто, повтори я это заклинание вслух, вода в соседней луже тут же превратилась бы в мерцающий лунным сиянием вермут.

– И что? – Вот уж умеет томить...

Бывший инструктор-подрывник, наклонив голову набок, скроил недовольную рожу и, невольно копируя интонации моей математички из давно закрытой восьмилетки, отдельно произнес:

– У нас нет, никогда не было и быть не может этой техники... Никогда – понимаешь? Это – россияне!

Понял – теория заговора. «Паранойя безжалостно косила наши ряды»!

– Григорьевич, дорогой! Все полезное, что мне суждено узнать, я узнаю в штабе, а что меня не касается, пусть стоит там, где поставили. И руками не мацать, а то поженят. Лады?! – Развернувшись, позвал взводного: – Юра, Передерий сидит у Педали в «шестьдесят шестом». До команды из кабины не выходит. Проследи, будь добр.

Дед озабоченно нахмурил брови и, подчинившись, успел по дороге от души прогрузить Жихаря. Зато не из обидчивых – радуется.

Осмотрелся. Рядом с входом в бункер курило несколько офицеров полка Колодия. По батальону их не помню. Новые... Чуть дальше у входа раздавалось виноватое бухтение самого Богданыча да звенящий от негодования голосок моей старой подруги. Ну, ты попал, батя! Эта пердлявочка из кого хочешь душу выймет. Таковую мозголюбку-затейницу еще поискать!

Закинув автомат за спину, двинул на звук. Впереди у стены маячило несколько машин. Вначале узнал «БРДМ»⁴⁵ Стаса. Он-то что тут делает? Дальше – больше: две КШМки в песочном камуфляже я видел и раньше... плюс несколько БМП сопровождения и блатной, бронированный джип. Нормально! Либо Шурпалыч весь штаб в пампасы вывез, либо он – с командующим. Попадалово... Понятно, откуда эту суку ветром надуло. Ничего, родная, я тебе сейчас вечеринку обломаю...

– Катька, твою мать, – сто лет тебя не видел!

Шипение сменилось возмущенным молчанием. Недавно принявший полк Буслаева Колода, не сдержавшись, чуток громче, чем следовало, перевел дух. Маленькая, ладно скроенная женщина с изящной фигуркой, гневно отвернувшись от меня, вновь задрала симпатичную востренькую мордочку куницы, готовясь вцепиться в добрые, домиком, глаза бывшего комбата. Ага, щаз-з-з!

– Не понял?! Ты че, жаба, – не рада меня видеть, а?! – чуток металла в голосе и ноток праведного недоумения... – Или: ушел с должности – забыла, как звать?

Тут она не выдержала:

– Кирилл Аркадьевич! Я – Екатерина Романовна, если вам удобнее по имени... – Могу поспорить – лиловыми пятнами пошла. Девчонка напряглась, ее сразу очень правдоподобно передернуло... – И еще! У меня нет времени на ваши дурацкие шуточки. Я – работаю!

– Я заметил... это мы тут дровичим!

Красавочка еще раз дрогнула всем корпусом, точно зная, что на меня это не действует. В образе, видно... Ощущая кожей глумливые улыбки со всех сторон, она, продирая бумагу в заветной черной тетрадке отложенной мести, навела напротив моей фамилии не иначе как сотый жирный крестик, задрала голову на свои полные метр шестьдесят «с каблуками» и гордо, с прямой спиной процокала стальными набойками вниз по кафельной лестнице бывшего банно-прачечного комплекса.

– Кать, ну шо ты как девочка, честное слово! Я ж – шучу... Да дай хоть за сиськи подержаться! – последние слова улетели в темный зев подвала. Ледяное могильное молчание было ответом, а ржание чуть ли не в голос за спиной – всеобщим народным одобрением.

– От бисова дытына, як кинулася... вжэ нэ знав куды подитысь! – Перекомандовавший за свои пятьдесят с гаком всем на свете Колодий явно не был готов к такому наезду. Просто не знал, старый, на что напоролся! Это дите, которому еще тридцати нет, таких, как ты, батя, на завтрак жрет и после – не отрыгивает.

От машин штаба отделилась расслабленная фигура Дёмы. Подошел, обнялись. Начальник охраны Кравца хитро посмотрел на меня и как бы невзначай в потоке общего трепачения обронил:

– Ты Катьку особо не щеми... – И, не договаривая, приподняв бровь, добавил: – А ведь хороша стервочка, скажи!

Да понял я... понял! С другой стороны, он мог бы и не намекать: ему-то какое дело до того, кто и почему шефову прошмандовку уgomонил.

– Нормально, брат. – Я благодарно хлопнул его по плечу и пошел навстречу выходящему из подземелья Стасу.

– Это кто тут сотрудников аппарата гоняет? – В суровом начальственном рыке сквозили неприкрытые смешинки. Богданыч не понял и вытянулся по струнке. Пока мы хлопали друг дружку по спинам, он так и стоял, покорно ожидая продолжения «вливания». Ненароком оттаскивая Стаса в сторону, я быстро прошептал:

---

⁴⁵ Бронированная разведывательно-дозорная машина «БРДМ-2».

– При всем уважении... Если эта курва еще раз позволит в присутствии подчиненных отвязаться на пофиг-кого из боевых офицеров, пойдет ко мне в отряд. Как раз будет, где пацанам писюны отмыть.

– Отвали со своими бабами, окей. Разберусь... – при всей вальяжности, сказал негромко и в сторону – только для меня. Не повезло Катьке.

– Что там?

– Там – круто. Опанасенко, Буслаев и Сам. Покурите с Колодием полчасика. Вы – последние.

– Будет весело?

– Очень! Только уговор – с порога матом не орать. Договорились?

– Посмотрим...

– Нечего смотреть.

Пока суд да дело, вернулся к взволнованному полкачу – приобняв за необхватную талию, увлек за собой на поваленный взрывом ствол акации.

– Ну, что, Богданыч, пошли загорать. Наш номер – восемь, помрем – не спросят.

– И звидкиль цэ у вас, добродию, такой гарный коньяк? – даже не поведя носом, вдруг оживился новоиспеченный командор.

– Ну, Богданыч, у тебя – нюх! Не проведешь... – сам призывно махнул рукой Жихареву... – Ты, батя, лучше расскажи, на кой тебе с этой цацкой цепляться? – Протянул руку, взял у понятливого Юры флягу и передал Колодию.

Тот неторопливо, оценивая литраж, встряхнул, сделал пару смачных глотков, оторвавшись, потряс, как бы взвешивая остаток, еще раз приложился – по-скромному – и передал оставшиеся сто граммов – назад. Вот это опыт, я понимаю!

– Та я ж и миркую... – пока мы с взводным добивали волшебную воду, полкач кратко поведал историю о звонке из Военсовета и о заказанном ими транспорте для обслуживания корреспондентов... – И дэ ж мэни цых машин на всих набраты? – горестно закончил он свой рассказ. – Хозяйственная прижимистость бывшего комбата задолго до сего знаменательного события на века вошла в народные предания, но здесь он был прав.

– Да, батя, обеими ногами – да в тазик с маргарином. Дивчина – шалэна: без трусов в бассейн прыгнет. На будущее... Посылай под три чорты и не ведись на разводки. Ты кому подчиняешься? Вот приказы штаба и исполняй... А вообще, увидишь – держись от греха подальше.

Тут я, правда, Колодия немного перелечил. Легко сказать – посылай. Эту кобылу я посылал, и не раз, толку?

* * *

Голодным степным ветром занесло девочку из глухого крестьянского Старобельска в Луганск. Таким же загадочным северным порывом вбило в голову и выбор профессии. Без видимых проблем окончив факультет журналистики нашего педа, она вполне успешно успела сменить несколько печатных изданий и, наконец, попала на редакторскую должность в новостийный отдел кабельного телевидения.

О том, что такое Катя Хонич, я знал и ранее. Журналистская среда внутри себя достаточно информированна – все знают всех. И когда в самом начале войны Екатерина Романовна вошла в отдел контрпропаганды как ответственный работник, я, ни секунды не думая, двинул к Стасу. Но было уже поздно. Цепкие ручонки этого ангельского создания крепко держались за член одного из Бессмертных.

Лишенная даже намек на какую-либо инфантильность, беззащитность, романтичность, всего того, что делает подростка девушкой, насквозь прагматичная, с заточенной в бритву

целеустремленностью, она, казалось, была рождена и воспитана не в человеческой семье, а искусственно выращена на некой бизнес-фабрике будущих золотых директоров MLM.⁴⁶

Внешне Катка – что называется – на любителя. Эдакая мечта педофила – «женщина-ребенок». Невысокая, даже маленькая, но демонстративно стройная, всегда на шпильках, с осанкой школьной примы балльных танцев, с хорошей высокой грудью и круглой правильной попой. Симпатичная, чуток конопатая мордаха: выразительные карие глазки, чистая ухоженная кожа, бровки игривой дугой, ровненький точеный носик, крупные резные губы, большой рот – все хорошо. Только вот характер – безжалостное и расчетливое животное. Не злобная, жестокая или уродка, а просто тварь.

С волчьим молоком, которым ее вскармливали, она, без сомнений, всосала действенную истину: «Чисто вымытая жопа – залог успешного карьерного роста». Причем во всех смыслах.

И не иначе, у нее был хороший учитель физкультуры. Не знаю, как остальное, но виртуозное владение техникой лазанья по канату она усвоила досконально. Там все просто: вцепилась пальчиками в горло или куда пониже, высоко поджала расставленные ноги, оперлась на тех, кто вровень с тобой, встала на плечи и головы – хватайся за следующую глотку или яйца – как получится.

Так она и шла по жизни. Сама не делала ничего – принципиально. Кто делает – ошибается. Кто много – чаще попадает. Катя была чиста, как свежий лист ватмана. Имея крышу и будучи защищенной от силового давления или дилемм типа: «Уберите эту суку, я с ней работать не буду!» – она спокойно въезжала в работу структуры, находила слабые звенья и начинала «предлагать». Спокойно и без истерик: «А давайте сделаем вот так, и будет лучше». Хорошо: «Бери – делай!» Но Хонич сама траншеи не роет, она руководит... и тут, в работе с подчиненными, в самой организации этого процесса, Екатерина Романовна показала себя во всей красе утонченной корпоративной мегеры.

Она не кричала, не кидалась, не топала ногами и, обливаясь слезами, не билась в припадке. Зачем?! Хрупкая девочка ставила человека перед столом, садилась напротив и методично раскатывала в «ничто». Пару раз послушав, я вычленил ее «коронку»: она постоянно просила, спрашивала, требовала по-любому, не важно как, но вытягивала признание – в проколе, ошибке, лени, бесталанности. Заставляла признать... от совсем малого – к большему, потом – к еще большему. До самого конца – до упора. Получив признание, тут же выдвигала дикие, но аргументированные обвинения. Передергивая, переворачивая с ног на голову, съезжая с неудобных тем, без конца провоцируя, – вынуждала оправдываться, приводить систему контраргументов и собственные системы доказательств и, естественно, всегда ловила на слове – ведь их было так много, «презумпция виновности», однако. Далее новые требования «признать»... Главное – не отпускать, не прощать, не давать даже намек на шанс – никакой милости к побежденному! Ежели уж Катенька ухватила за кадык – все, пиши пропало: пока не удушит, не отпустит.

То, что люди у нее делали все, что ей требовалось, даже не обсуждается. Не просто выжила любого до последней капли, нет – этого мало! Милое дите – ломала человека, доводила его до какого-то рабского исступления, до отрыва от самих себя и действительности, до полной дезориентации: попавшие под раздачу просто не понимали, что происходит!

Мне кажется, в этом был какой-то элемент садизма, или, вернее – Хонич, как истинный мастер, попутно с главной решала еще парочку второстепенных проблем, например – восстановление некой социальной справедливости. А что?! Каким путем по жизни идет она? А эти красавчики?! Да нет, ребята! Вот вам, голубоглазые мальчики и девочки из благополучных губернских семей, – прочувствуйте, стоя на коленях перед обрюзгшими импотентами, всю прелесть глубоких сосательных движений! Ну, где-то так, я думаю...

---

⁴⁶ MLM, multi level marketing (англ.) – многоуровневый (сетевой) маркетинг.

И тут, с Размежеванием, тонко прочувствовав будущие катастрофические изменения в иерархических раскладах, успев мертвой хваткой вцепиться в забронзовевшего могиканина партийно-комсомольской номенклатуры, приходит эта красавочка в совершенно специфический мир пиарщиков, креативщиков и вообще – поэтов-технологов на должность координатора по работе с ТВ. Очень быстро начинает забивать в темечко точные гвоздики и расставлять все, как ей потом надо будет.

Поначалу я с ней пытался бороться – разговаривал с Кравцом, отправлял ее в дальние командировки. Стас отмахивался и просил потерпеть – там, внутри, зрели очень взрослые движения. Из ссылок ее неизменно возвращали, тупо через голову.

Она тоже как-то поуспокоилась. Мое кресло могло прельстить только самозабвенного фанатика: ничего, кроме как сутки напролет щелкающей клавиатуры, светящегося монитора и пары несмолкающих телефонов, перед ним не было.

Ситуация в нашей Республике тоже стала меняться не в лучшую для всех сторону. Клан Бессмертных, периодически выцарапывая друг другу глаза и так же стремительно мирясь – до поцелуев взасос, тащил Восточную Малороссию на дно. Вражеские войска под стенами не стояли, но все понимали – дело времени. Выросшие в системе, а потом окончательно сформированные в эпоху государственного капитализма, наши кучмонавты ни о чем, кроме как о сохранении балансирующего меж «умными и красивыми», никому даром не нужного Каганата и спасении собственных активов, не думали. Вопрос о «разрыве в клочья» стоял уже не в месяцах, а в неделях, если не в днях.

В ситуации постоянного циничного до беспредела двурушничества, нескончаемой склоки и оголтелого крысятничества непотопляемые броненосцы, более того – Отцы-Основатели Республики, те самые, которым мы по сей день обязаны педералистической терминологией,⁴⁷ прозевали главное. Тайное умение, которым они почти два десятилетия своего правления владели безупречно, неожиданно им изменило.

Они пропустили момент, когда вырос Лидер. Они-то растили только бледные тени и пресмыкающиеся убожества, а тут надо – воевать. И поднялся Командир. Причем поднялся из стойла, которое просто так – ни бензином не облить, ни дегтем не измазать.

На дворе стояла всеобщая мобилизация. Лето, с первых своих дней отыгрываясь за людское безумие, решило заранее выжечь город дотла: до подхода установок залпового огня, тяжелой артиллерии и массированных БШУ.⁴⁸ Политический расклад окончательно прояснился до обывательской очевидности. Стало ясно: «Республику приговорили. Она обречена».

Успехи нового командующего объединенными силами Петра Петровича Скудельникова если кого и вдохновляли, то только моих журналюг, причем лишь самых зеленых, тех, кто писал «позитивку». Мастодонты «чернухи», тяжеловозы-аналитики и прочая «посвященная» братия лишь грустно улыбалась да с самого обеда глушила абсолютный бестселлер завода «Луга-Нова» – водку «Республиканская», именуемую в народе не иначе как «Безбазарка».⁴⁹

В один из дней, как раз во время очередной жутко «чрезвычайной» и традиционно «закрытой» сессии, в корпусах бывшего областного совета и госадминистрации внезапно сменился караул. Милицейская охрана организованно погрузилась на грузовики и убыла восвояси. Вместо наших знакомых, изнывающих под непривычными касками и брониками «беркутят» на посты встали сразу три структуры: армейцы – на крышах комплекса, недавно созданный

---

⁴⁷ Совет Педераций, Педералисты, Педераты (*жарг.*) – Совет Конфедераций, конфедераты. Презрительное наименование Восточной Конфедерации, ее общественно-политических деятелей, воинских частей и военнослужащих, распространенное на всей территории ЦУРа, Республики Галиция, а также среди всего не согласного с политикой Конфедерации населения бывшей Украины.

⁴⁸ БШУ – бомбово-штурмовые удары.

⁴⁹ «Безбазарка» – термин произошел, от стандартной шутки: «– Ну, шо, за Республику?! – Да, без базара!».

сводный отряд милиции – на первых этажах и неболтливые ребята в штатском – по всем коридорам и пролетам.

О случившейся перестановке я узнал быстрее, чем обычно...

– Зайди ко мне! – отрывисто бросив, начальник управления по связям с общественностью сразу положил трубку.

Допечатав предложение, встал и, заправив в джинсы оттопыренную на пузе майку, вышел в коридор. В дверях столкнулся с русым крепышом в тяжелом, поверх добротной шелковой рубашки, армейском бронежилете, с подсумками на поясе и «АКМом» в руках. Так по зданиям администрации раньше не ходили. О парнишке я слышал как об офицере СБУ по фамилии Демьяненко. По жизни с комитетчиками у меня не складывалось, и я его знал только в лицо.

– Деркулов?

– Да...

Он, кивнув и не оборачиваясь, пошел вперед. По нему было видно: повторять – не будет и уверен, что я иду сзади. Возле кабинета Стаса открыл дверь и, пропустив меня вперед, вошел следом.

Кравец стоя курил у окна. Скользнув взглядом, кивнул и показал глазами вниз. Я подошел. В колодце двора стояло человек двадцать. Среди бурлящего водоворота камуфляжа, оружия и рослых фигур стелой выделялся неподвижный, сцепивший руки за спиной Скудельников. Из центральных дверей строем с ладошками на головах выводили народ в сияющих костюмах и шикарных галстуках. Увидев лица, я понял – все, шутки закончились.

Далее события пошли по совсем чумному, шокирующему примитивной обыденностью и взрывной быстротой сценарию. Без всяких разговоров, криков, речей и прочих драматических аксессуаров всех восьмерых Бессмертных поставили к возведенной с началом первых бомбежек стойке фундаментных блоков и тут же без проволочек в три автомата – расстреляли.

Не спрашиваясь, закурил. Не до этикета...

– Что дальше?

– Соберешь всех своих. Подумай, кого возьмешь из общего отдела, из координаторов, корреспондентов... Всех – моих, твоих, чужих, кого посчитаешь нужным. Их – в список и в конференц-зал. Мы перестраиваем структуру. Никого не отпускать. Если нужна помощь... – он кивнул на охранника... – к Дёме. Соберемся, скорее всего, к ночи. Работы будет... ну, ты – понял.

В отделе «контры», как и во всех корпусах Совета, народ стоял на ушах. Секретарша выразительно показала глазами на женский туалет. Пришлось зайти.

На опущенной крышке унитаза, упершись в кафель совершенно пустым взглядом, сидела Катька. Я присел на корточки. Она уже отплакала. Огромные, полные запредельного ужаса и слез глаза. Никогда еще Судьба так не ломала об колено этого безусловно сильного звереныша. Она была готова. Я это видел. Хонич, если бы за ней пришли, гордо проследовала бы во двор и легла вместе с остальными. И шла бы прямо, не сутулясь, и легла бы молча – без соплей.

Ее можно было не любить, ее можно было ненавидеть, ее можно было добить – легко! только вот презреть – обойти вниманием – Катьку в эти минуты было нельзя.

– Ну, девочка... перестань, перестань... – двуспальной периной сграбастав за крошечные плечики, я притянул ее к себе. Она прижалась и, расслабившись, снова, сотрясаясь всем своим почти детским телом, зарыдала.

– Ничего не бойся. Я отправлю тебя отсюда подальше. Все образуется. Ты девка сильная, пробивная, и все у тебя будет нормально. Главное – не ссать! Хорошо? – Она быстро закивала головой... – Ну, и славно. Иди, отмывай тушь. Закройся в своем кабинете и не бзди.

На третьи сутки непрерывной работы я выполз во двор администрации. Сладковатый запах мертвечины в коридорах и кабинетах вызывал позывы времен юношеских практик

потребления непереносимых доз портвейна. Трупы раздуло, а убирать их, кажется, никто не собирался. Зато работоспособность управлений, отделов и служб Правительства Республики внушала определенный оптимизм.

Не слишком обращая внимание на грозные взгляды паренька-омоновца, подошел поближе.

Властители судеб, хозяева области, цвет касты Неприкасаемых, последний раз в своей жизни надулись изо всех сил. Брючные ремни, воротники коллекционных сорочек и пиджаков от известных домов врезались в распухшие тела. Лощеные, ухоженные лучшими косметологами лица посинели. Открытые, никогда не лгушие глаза задуло круговертью пыли и мелкого мусора. В разъявленные рты намело окурков и всякого сора. Меж сияющей металлокерамикой мостов и зубных протезов вибрировали отливающие горячей медью живые клубки мух.

Сколько вы сломали, переехали, ограбили и обманули? Куда край опустили? Для чего было все? Нацареванное – где? К чему вы пришли? Вот к этому?! Говорят, ничего на этом свете не возвращается. В таком случае Скудельников – посланник Рока. Здесь и сейчас вернулось. Отлилось каждому по полной...

– Деркулов!

Повернулся. Задумавшись, не услышал, как они вышли из здания. В нескольких метрах за спиной стоял Кравец. Возле него Председатель Военного Совета Республики. Чуть поодаль столпилось несколько человек аппарата и совсем не многочисленная, если сравнивать с прошлым, охрана.

Скудельников внешне откровенно не производил особого впечатления. Среднего роста, обычного телосложения, ну, может, слегка худощав для своих пятидесяти. Короткая, аккуратная стрижка светлых седеющих волос. Рядовые, достаточно правильные черты вполне интеллигентного лица. Ну, может быть, только глаза: приглушенные, неопределенно-серые, немного более внимательные, чем у других. Дабы точнее определить – захватывающий, считывающий, прилипающий к тебе взгляд.

Подошел...

– Кирилл Деркулов. Наш...

Он не дал Стасу закончить:

– Знаю! – Сделал шаг навстречу и крепко пожал мне руку.

– Здравия желаю, Петр Петрович.

– Вот, Кравец, учитеесь! – И, широко улыбнувшись, продолжил: – Я знаком с вами, Деркулов, – читал ваше досье. Вы мне нравитесь. Надеюсь только, что вы не станете, при случае, просить с ним ознакомиться?

– Петр Петрович! Не все журналисты дебилы...

Понравилось всем... Но Скудельников хотел добить начатую тему.

– В вашем Curriculum vitae⁵⁰ есть один интересный момент. По заключению психолога у вас завышенный порог такого параметра, как «восприятие справедливости». Намного больше обычного. Вы, проще говоря, очень чутки ко всяческому проявлению несправедливости в любой форме... – Я пожал плечами, мол: «вам – виднее». Он, не останавливаясь, продолжал: – И как, по-вашему, это... – он, резко выбросив левую руку, указал на ряд вздувшихся тел, – справедливо?

– Думаю, да. Пока! Посмотрим, что новый ветер принесет... Несправедливо только, что такое – исключение, а не правило. И то, что они третий день тут лежат, тоже не есть хорошо, для всех нас. Во-первых, воняет, а главное, очень плохая карма.

Бывший полковник СБУ сделав шаг, вновь улыбнулся, в упор посмотрел мне в глаза и, наклонившись, негромко сказал почти на ухо:

---

⁵⁰ Curriculum vitae (лат.) – описание жизни.

– Нет. Это хорошая карма! Самый качественный и продвинутый пиар. Поверьте мне, как доктор – доктору! – Выпрямился, еще раз, чуть прищурившись, просиял и закончил: – Вы же художник, Деркулов! Отойдите от технологий и шаблонов!

Надо признать, Скудельников не соврал. Дисциплина, работоспособность и ответственность возросли на порядок: и у нас, и в целом, в обществе. Перестройка большинства структур прошла за считанные дни, в то время как в обычные, даже сверхблагополучные времена такие масштабные изменения заняли бы месяцы, если не годы.

Пропаганда в одночасье, выскочив из удушающего прессинга надменных и все на свете знающих властителей, вздохнула и включилась на всю мощь (никогда не забуду обычное приветствие одного из бонз в преддверии серьезных проектов: «Ну, что, сборище интеллектуальных импотентов, думать – будем?»).

Наши издания поменялись полностью. СМИ из «не наших», вместо тупого давления и мелких гадостей прошлого, ощутимо прочувствовали тяжкую длань нового Командующего и в одночасье закрылись. Как, не стесняясь, открыто заявил Петр Петрович: «Либо либеральная демократия, либо сражаемся».

Идиотские монологи «ни о чем», льющие воду с полос, а зачастую – и с целых разворотов, сменились динамичной мозаикой новостей, аналитики и спецрепортажей. «Расчлененка» прочно заняла чуть ли не двадцать процентов всего контента.

Отправленная мною командовать «репортажами с мест» Катя Хонич свою работу – заставить, сбивая ноги, лезть спецкоров в любую преисподнюю – знала от и до. Да и в ее изящной головке картины чувственных генитальных ласк как-то умудрялись вполне мирно сосуществовать рядом с документальными кадрами вывернутых промежуточных с оторванными яйцами – фото- и видеоматериал шел такой, что закачаешься. Соответственно и результаты не заставили себя ждать: ярость благородная вскипала правильными волнами.

Самые глубокие изменения коснулись основы основ – мессаджей. Для начала мы сменили риторику «вливающих жопами педерастов» на суровую «речь солдата»: без подготовки перешли с «отсосем и вашим, и нашим» на «последний рубеж крестового похода на Русь». Но этого было мало...

ЦУР уже открыл ящик Пандоры и выпустил демонов ада на свободу. Свидомые, не изобретая велосипеда, – уроки большевиков не прошли даром – прямым текстом сказали толпе: «Можно»! Разумеется: «Пануемо, хлопцы!» совсем не: «Грабь награбленное» и «Мир хижинам, война дворцам», но результаты очень похожи. У нас не было времени заморачиваться, и мы ответили просто: «Они ответят за все!» Тоже мало не показалось.

Выдержав еще неделю этой свистопляски и почти заработав хроническое плоскожопие, я, бросив все, заодно насмотревшись по дороге на последствия собственной пропаганды, отвез семью к родителям жены в Богучар и, не возвращаясь в отдел, рванул в боевые.

Тем временем Командующий, как и многие неглупые люди, не чуравшиеся классики, шел торным путем «кнута и пряника». И достиг большего, чем можно было предугадать. Пачка решительных и жестоких расстрелов на месте – по горячему – за пару недель свели на нет чудовищный цинизм распределений и все безумие выдач гуманитарки. Так же без судебных тягб и проволочек стали разбираться с просто опухшими от вседозволенности и безнаказанности чинушами – небоевыми ментами, таможенниками, прочей армией разрешителей и распорядителей благ. Вопросы с мародерством и грабежами беженцев, с уличной преступностью и спекуляцией реестровыми продуктами решались совсем быстро. Тела «решенных» не убиралось по два-три дня.

И тут произошло нечто: несокрушимый базис, на котором последние десятилетия зиждился режим, универсальное мерило всего на свете, та великая ценность, ради которой продавались души, становились раком и на колени – Их Величество Деньги, – вдруг потеряли

весь блеск. Они отошли на какой-то задний план. Многие, например наше управление, вообще не за «мани» работали; паек получали да и ладно: «Тут история вершится, а вы с каким-то баблом!»

Народ облегченно вздохнул и хором пропел искреннюю аллилуйю «сильной руке».

Но это, разумеется, не главное. Самым большим достижением Скудельникова была его команда. Он неведомым образом неизвестно где откопал и непонятно как зажег плеяду ярчайших военных талантов.

В первую очередь – мозг всей армии – начальник штаба Александр Павлович Опанасенко. Мне кажется, что такой головы не было не только у ЦУРа, но и во всех штабах Сил Оперативного Развертывания Евросоюза. Пятидесятилетний полковник в свое зеленое время – по окончании Киевского ВОКУ – долго стоял на распутье между карьерами общевойскового и шахматиста. Выбрал армию. Но не повезло. Период самого расцвета любого армейца пришелся у него на смутные времена распада Союза, парада независимостей и проклятых войн «своих против своих». Здесь же воссиял. При обороне Северодонецка Шурпалыч плел такие кружева из взаимосвязанных очагов обороны, управляемых минных засад, заслонных и резервных групп, надежно спрятанной и внезапно появляющейся техники и артиллерии, что в них забуксовала самая сильная группировка, когда-либо ранее выставлявшаяся в этой войне.

Умный, терпеливый, немногословный, готовый умереть за одного солдата, за один взвод, группу, он влюбил в себя всю армию и служил ей верой и правдой. Она же, армия, готова была лечь хоть под Северодонецком, хоть под Луганском и пойти за Опанасенко и на Киев, и на Варшаву, и куда угодно, да хоть на Вашингтон! Пофиг тот океан, только прикажи!

В довесок к Опанасенко Петр Петрович нашел и за каких-то полгода буквально вырастил трех комбригов.

Упертый матерщинник и до безумия свирепый в бою танкист Буслаев был готов любые железобетонные руины, в которые на карте ткнул карандашом начштаба, превратить в дом Павлова. Демоном ночи мотаясь на своей изувеченной КШМке по горящим развалинам, он в конечном счете сдал в щебень – до фундаментов и подвалов – стертый коврами ударами конгломерат Лисичанск – Северодонецк – Рубежное. Но по приказу! Только вот после этой вполне заслуженной победы у строевых частей ЦУРа напрочь отпало желание воевать все-речь. И теперь при любой возможности они поступали исходя из постулата: «Европи треба пэрэмога? Ото хай воны й воюють».

Можно быть безжалостным к противнику. Можно быть жестоким к солдату и, пополняя вмиг редющие ряды беженцами и добровольцами, класть людей эшелонами, до мокрых штанов распинаясь на каждом углу о священных жертвах и последней капле крови. Только так настоящий авторитет не завоевывается. Иваныч везде, где было нужно, стоял насмерть. Только от любителей кидаться во все стороны громкими словами его отличало то, что он сам «стоял». И не сбоку, а в самой гуще, там, где в бетоне арматура горела бенгальскими огоньками. Соответственно и цена его приказа была несоизмеримо выше любого патетического словоблудия. Мы ему верили, и под его слово любой был готов стоять до последнего, так, как сам «Команданте» стоял.

Слава Буслаева так далеко шагнула за пределы Луганщины, что в зоне действий его бригады стали появляться группы из других республик Конфедерации. По слухам, он пригласил легендарного дончака Гирмана, так и не нашедшего общий язык со своим командованием. Говорили и о других известных полевиках, которым вдруг стало удобней сражаться у нас, а не в родных Республиках.

Грамотный, расчетливый, чем-то неуловимо похожий на Командующего и тоже комитетчик Каргалин разбирался с югом области. Войны там пока не было, но шла активная подготовка, выстраивались оперативные связи с братьями по оружию – дончанами, и, конечно же, центральный нерв Восточной Малороссии – граница с РФ. Что и как делал Владимир Генна-

диевич, мало кому известно, но факт остается фактом: если в середине лета член Военсовета собственной персоной и по великому благу достал для друга одну (!) крупнокалиберную винтовку (их на весь фронт всего штуки три было, да и то две – у охраны Бессмертных), то сейчас, в декабре, только у меня, обычного полевого командира, их было пять. То же и с остальным вооружением и прочим многообразным обеспечением: от еды до лекарств, от амуниции до боеприпасов, от транспорта до ГСМ, от эвакуации родных до отправки тяжелораненых.

Его, по большому счету, вообще не было видно. Но тыл – это фундамент любой, пусть даже не особо регулярной, трижды сепаратистской и поголовно педералистической армии. И то, что он у нас прикрыт, мы не просто чувствовали – знали доподлинно. С чем и шли в любую заваруху.

Север Луганщины держал Ярик. Когда-то с треском изгнанный из системы, бывший командир пачки милицеских спецподразделений, продвинутый рукопашник и отчаянный боец, Ярослав Алексеевич Узварко умудрялся успешно работать в проукраинских сельских районах. Поддерживал порядок, обеспечивал поставки продовольствия, сдерживал и громил различные группы разведки, агитаторов и пропагандистов, диверсантов и провокаторов, бандитов и дезертиров, бродячих отморозков и прочего прифронтового люда. Как показатель гибкости, ему удавалось удерживать достаточно высокий уровень лояльности к Конфедерации со стороны чисто украинского сельского населения.

За ним тоже шли. Не потому, что крут, не потому, что бесстрашен, не потому, что наш, луганский, а потому, что Мужик.

И еще был Стас. Рожденный с золотой ложкой во рту, выпестованец наследственной губернской элиты; человек, проживший пять лет в студенческой общаге только потому, что любил баб больше уюта; проработавший полтора десятка лет в университете только потому, что ценил науку больше денег; всем довольный и самодостаточный плеейбой – стал вторым человеком в Республике. Помимо разросшегося до неприличия управления пропаганды Кравец возглавил нечто соответствующее министерству иностранных дел и практически лично осуществлял все международные контакты. Учитывая специфику восприятия Республики в мире, понятно, что «работал» он, в основном, с Москвой.

Какой бы от неба бубновой целкой он ни был, а вот же, приходится признать, что даже я, личный друг – по жизни, однокашник – с первых дней, военная оторва – с начисто сорванной еще в Афгане каской, ставлю его при всем том на самую верхнюю планку. Командир без дураков!

Теперь, через полгода безраздельной власти, этой команде предстояло сдать очередной, наверное, свой самый важный жизненный экзамен, настоящую государственную проверку – отстоять Луганск.

* * *

Из бункера вышла группа и сразу направилась к нам. Опытный Жихарь мгновенно испарился, мы с Богданычем вытянулись по струнке (ну, насколько это возможно с нашими-то габаритами!) и замерли двумя мясницкими колодами.

Петр Петрович вначале тепло поздоровался за руку с Колодием, потом развернулся ко мне:

– Здорово, Дракулов-Акула-Деркулов!

– Здравия желаю, товарищ Главнокомандующий! Про графа – ни слова, Петр Петрович. А за Акулу я потом на банкете в честь Победы вашему секретарю Совета – лично по печени настучу! – Кравец, стоя за нами, откровенно веселился. Во-первых, он считал шутку с придуманным для меня позывным – удачной, а во-вторых, разговор обещал быть очень непростым. Лучше начинать смеяться со старта, дабы плакать потом неприлично было. С Дракулой же

случилась совсем другая, весьма мерзкая история, после которой я прославился на весь мир и стал, пожалуй, одной из самых одиозных фигур среди боевиков Республики... Если не самой обосранной.

– Печень на День Победы мы и так уьем. Не вопрос! Дело за малым – дату назначить.

Перешучиваясь, направились в подвал. Перездоровавшись с начштаба и комбригом, встали перед расстеленной на столе картой. Начал, и очень серьезно, Скудельников.

– Времени нет, долго говорить не буду – не на митинге. Общая ситуация понятна. Нюансы проясните в самостоятельном порядке. Задача номер один – остановить бронегруппу. Не дать развернуться у пригородов. Подойти – не дать! Задача номер два – нанести такой урон, чтобы, как минимум, отбить охоту штурмовать город. Как максимум, заставить убраться восвояси. Доктрину «чем больше их гробов, тем короче война» никто не отменял. «Пленных не брать» тоже. Вы знаете, какие после Северодонецка шли дебаты в ЕС... Поэтому! Нами разработана операция... Часть деталей вам расскажет Александр Павлович, часть до поры останется для вас неизвестной. Поскольку наиболее болезненные вопросы коснутся Деркулова, я специально пригласил на это совещание Секретаря Военсовета Станислава Кравеца. Вы долгие годы дружили семьями, жили в одной комнате кампуса, вместе работали в самые трудные дни. Уверен, его слово для вас, Кирилл Аркадьевич, будет равноценным залогом.

Такая забота приятна, слов нет, если не предполагать, что за нее потом попросят. В любом случае красивый ход – своеобразная консолидирующая замануха. В духе Стаса! Моя независимость, как полевика, достаточно условна, и я по-любому соглашусь, какую задачу мне бы ни поставили... Ясное дело, выторгую все, что смогу, но скрепя сердце соглашусь.

Скудельников продолжал:

– Если каждый из нас выполнит все, что предписано планом, если мы будем точны, исполнительны и мужественны, то сражение под Сутоганом навеки войдет в историю, а противник надолго потеряет аппетит. Только мы твердо должны помнить, что на самом деле исход битвы решится не здесь, а во Врубовке и в Родаково. С Врубовкой, надеюсь, Буслаев разберется как положено... – сделав паузу, Петр Петрович прямо посмотрел на нас с Богданычем, и я увидел, насколько измученны его глаза... Он собрался и жестко закончил: – Родаково будет ваше. Мужики, сделайте их!

Глава III. Родаково

После быстрого отбытия Главнокомандующего мы, оставшись впятером, приступили непосредственно к плану. Расставили стулья, достали блокноты. Начштаба, увидев мою скорченную при заходе на посадку мину, внимательно посмотрел поверх очков и поинтересовался:

– Что с вами, Деркулов?

– Отвратительное питание, хроническая усталость, мало баб, водки, сна. Сауна, опять же... – Он терпеливо ждал. Сухой, хладнокровный, прямой и неподвижный, как противотанковая пушка. Красные белки и желтые пятна на лице, третья, если не четвертая бессонная ночь; вот и поторгуйся с ним... – Извините, Александр Павлович! Фурункулез. Весь зад в чирьях – и смех, и грех. Ни попариться, ни до врача доехать – только вчера из болот вылезли.

– Я знаю... – он перевел усталую двустволку на комполка: – Михаил Богданович, у вас там банька, кажется, организована?

Колода сразу заерзал:

– Та яка там лазня, Олэксандрэ Павловичу! Тики назва. Пьятьом хлопцям нидэ повэрнутысь. – Весь нахохлился, насупился. Такой виноватый, такой несчастный. Ну, не знал бы жабу, поверил! Вот уж артист.

– Отлично. В десять получасовых смен и помоются. Запишите. В полку есть военврач?

– Е... фелшэр.

– Очень хорошо. Обеспечьте личному составу отряда осмотр после помывки. Далее – записывайте, Колодий, – к 15–00 должен быть готов макет вот этого участка... – Опанасенко обвел на карте кусок Родаковского подъема. – От ориентира «мост реки Белая» включительно до «Сухая балка» включительно – по вертикали и от сих до сих – в ширину. Вопросы?

– Зробымо...

– Итак... Рассказываю общий план операции, потом проработаем детали...

Оказалось, штабу группировки известна точная дата начала наступления – утро 22 декабря. Наши европейские друзья решили сводной бронегруппой подразделений СОРа, частей ЦУРа, добровольческих формирований – эсэсовских⁵¹ «курэнив» Галичины и отрядов прибалтийских легионеров – одновременно с фланговым обхватом ударить в лобовую: выдвигаться из Алчевска и по магистрали Е40 пройти до Луганска основными силами. Отдельно, перевалив одной усиленной пехотой бронегруппой через Родаковский бугор, опять же степными просторами подойти к Луганску по Бахмутской трассе и встать у стен колыбели города Каменного Брода.

Моторизованная огневая мощь, которой они располагали, безраздельное господство в воздухе и в информационном обеспечении против тех жалких крох тяжелой техники, которой у нас и раньше было негусто, а уж после Северодонца осталось и вовсе – только повод дать, позволяла противнику, не особо напрягаясь, действовать просто и комфортно.

Для фронтального удара сводные силы выбрали самую короткую, широкую и качественную дорогу. Остановить их здесь могли только законченные обдолбайцы из потомственных камикадзе, и то ненадолго. Да никто раньше и не собирался – единственной нашей тактикой, приносившей хоть какие-то плоды, была разветвленная очаговая оборона с построением многоярусной системы огня в населенных пунктах. В чистом поле нас даже не «рвали» – лениво, словно сусликов, давили гусеницами танков.

С обходным путем намечались определенные трудности. Восточная Малороссия страна горная. Понятно, Донецкий Кряж не Гималайские ледники, но разделявшее две главные транс-

---

⁵¹ «Эсэсовские» (*жарг.*) – презрительное наименование, произошедшее от аббревиатуры самоназвания «Січові Стрільці» добровольческих полков (курэнів) Республики Галичина, поддерживающей ЦУР по всему спектру вопросов.

портные артерии плоское плато на этом отрезке можно было пересечь лишь в трех точках: непосредственно у Алчевска, потом – через поселок Родаково и у самого города – в дорожной смычке у станции Сабовка. В первом случае пришлось бы ломиться тридцать километров по убитым шоссе сквозь несколько поселков и городишко Зимогорье. Оно и по названию видно, что населенный пункт пусть и маленький, но характер степных горцев наш противник уже прочувствовал. В последнем случае весь охват терял смысл – в Сабовке смыкались обе трассы, а расчет строился на том, чтобы заставить нас обороняться на два фронта. Да и в лабиринтах железнодорожных развязок, мостов и закрученной петлей дороги можно было нахвататься от гранатометчиков по самое «не хочу». Оставалось – Родаково.

Вот тут стратегический гений командования и нашел свою изюминку. Замысел отличался запредельной логикой и откровенным коварством. Бронегруппу без боя пропускали ровно на половину всего пути к Луганску. При подходе в растянутый на пять километров вдоль трассы поселок Белое фашиков издали обстреливали секреты и пехом уходили назад в жилые массивы. Через километр напротив шахты имени XIX партсъезда и цыганской слободы, носившей собственное неофициальное название «поселок Сутоган», под прямым углом начинался поворот налево в Родаково.

Пока часть брони с пехотой втягивалась на дорогу перед подъемом, основная группа без боя шла до конечных поселковых окраин, где упиралась в оборону. Решено было поставить смешанное минное поле, подрывом уронить путепровод и, используя зигзагообразные повороты трассы, посадку с правой стороны дороги, жилые дома и маневрирующую внутри поселка бронетехнику, тормознуть группировку.

В это же время мне отводилась задача, используя сложный рельеф подъема, остановить обходную бронегруппу на Родаковском бугре. Колодий, в свою очередь, на середине плато удерживал подходы к моим позициям, а также непосредственно железнодорожную станцию и пгт. Родаково от прорыва при возможном маневре через преддверие Зимогорья – поселок и станцию Лотиково.

Вначале у меня глаза на лоб полезли. Опанасенко, видя, что я напрягся, спросил:

– Судя по всему, у Деркулова появились вопросы?

– Это мягко сказано, товарищ полковник. Ну, я – по порядку... Хорошо, допустим, все идет по плану. Мои полсотни гавриков спокойно жгут примерно восемьдесят, судя по протяженности зоны ответственности, единиц бронетехники суперэлитных, как вы их там называете, частей...

– Бронекавалерийских... Знаете, что это такое?

– Да. Гибрид танковой и разведывательной бригады.

– Это по классике в армии США. В СОР немного другая структура. Распечатки для вас готовы. Возьмете – изучите за завтра. Продолжайте...

– Продолжаю... И попутно расстреливаем какой-то из добровольческих пехотных батальонов. Лично мне, конечно, все равно, что гуцулы, что лабусы. По-любому неленивые насчет повоевать ребята. Главное – отстреливаем. Вы же тем временем останавливаете остальную толпу. Правильно?

– Так точно... – Кажется, он даже немного приподнял вверх уголки губ, хотя нашему начштаба это не свойственно. Зато Стас убажанным котом развалился на табурете, словно у него под столом Катька изо всех сил трудится. Не иначе, в руках отцы-командиры пачку тузов заготовили.

– И что дальше?

Опанасенко вдруг широко улыбнулся (первый раз в жизни увидел, клянусь!) и, повернувшись к сидящему рядом Стасу, сказал:

– Что дальше, Станислав Эдуардович?

– Да как обычно, Кирьян. Садимся всем Военсоветом в седла, шашки наголо – и мать их так и разэдак!

Буслаев, подперев голову рукой, хитро шурясь, поглядывал на меня с нескрываемым любопытством – что же я дальше делать-то буду? Явно мы с Колодием тут, что два тупоголовых школяра-неумехи, ни о чем не в курсе.

– Хорошо, понял. Нет вопросов! Возьмем мою задачу... Вот я ставлю себя на место СОРовского Шурпалыча. Что имеем? Есть два очага обороны и идеально подходящая для засады дорога. Как действуем? Первое: подойдя к мосту, расстреливаю на хрен весь бугор вместе со складками местности с обеих сторон дорожного полотна. Второе. Высаживаю на вершине плато пару десантно-штурмовых групп и оставляю им для прикрытия вертолетное звено. Третье. Высылаю наверх усиленный дозор. Разворачиваю его на вершине. Следом – поднимаю бронегруппу. При первом же выстреле еще раз засеиваю все рвы, кусты и канавы из САУшек⁵² и автоматических минометов. Так же поступлю и с обороной в Белом. Пару БШУ – для разминки, далее САУ и танки – прямой наводкой – стирают в пыль и минное поле, и баррикаду, и весь жилой сектор вместе с бронетехникой и защитниками...

Опанасенко устал слушать и поднял обе руки вверх:

– Все, сдаюсь, сдаюсь. Наголову разгромил. Молодец! Теперь серьезно. Давайте, Кирилл Аркадьевич, я расскажу, как дело будет?!

Пришлось молча развести руками, мол, подчиняюсь...

Оказалось, что не все так просто. Противник традиционно шагу не ступал без детальной и тщательной разведки. Причем, как правило, разведки комплексной – от фотоснимков со спутников до видео в режиме реального времени с беспилотников. Теперь его главное оружие должно ударить в хозяина. Они, естественно, детально знали все нюансы нашей подготовки на двух рубежах обороны – на задних окраинах поселка Белое и в центре станции Родаково. Только вот преисполненные военного могущества СОРовцы не обращали особого внимания на муравьев, копошившихся в поселках Родаково и Белое, а ведь именно нам – блеклой пехоте – отводилась главная скрипка в этой разработанной Шурпалычем хоральной симфонии ре минор.

Непонятно, какой политический фактор они задействовали и на что рассчитывали, но здесь присутствовал цельный министр иностранных дел, и роль Стаса состояла в гарантиях. Он дал жесткие вводные: у противника в час «икс» для начала отрубалась связь на всех частотах: от УКВ до GPS – тотально. Спрашивается, что толку тогда от всей, трижды могучей, артиллерии СОРа! Далее, было гарантировано, что ни одного самолета крупнее БПЛА и ни одного вертолета с момента отсчета не взлетит.

Поверить не могу! Не будет штурмовиков и вертолетов? Я в шоке! Да СОРовцы тогда – без связи, огневого сопровождения и воздушной поддержки – шагу не ступят! Ну, ладно, посмотрим, спорить все равно бесполезно...

И в довесок мне не пришлось ничего выторговывать – сами дали столько, что еле увез. И это только часть обещанного!

– Ваша задача, Деркулов. Первое, завтра до 18–00 вы совместно с Буслаевым и Колодием, используя спутниковые снимки, личную рекогносцировку и изготовленный штабом полка макет местности, разрабатываете: карту минных полей, точки закладки фугасов, диспозицию групп, расчетов и схему построения огня. Второе. Также к 18–00 вы должны принять и распределить пополнение. Кроме того, вам отдельно будут приданы три группы. Вам знакома фамилия Гирман?

---

⁵² САУ – самоходная артиллерийская установка.

Чуть не поперхнулся... Боря Гирман! Борис Яковлевич Гирман! Живая легенда Республики Донбасс, неуловимый полевик, командир засадной гранатометной группы, человек, сжегший столько вражеской техники, что во времена оные – ходить бы ему трижды Героем.

– Да...

– Он со своей группой входит в ваше подчинение. Кроме того, сегодня вместе с вами назад в расположение уйдет группа технической разведки и корректировщики. Ваша задача – обеспечить их всем необходимым, а они в свою очередь обеспечат вас связью. Сразу ставлю вам условие: люди из служб прямого подчинения Главнокомандующего – никаких лишних вопросов. Далее. Вам будет придана минометная батарея капитана Штейнберга. Вы, кажется, знакомы. И, наконец, в-третьих, завтра в ночь к вам прибудет отдельный инженерно-саперный батальон, который за ночь поставит минные поля. Вопросы?

Тут, конечно, спрашивать и спрашивать. Да вот только по опыту знаю – отдохну, когда в бой вступим. До этого штабисты загонят вусмерть. Успеют, не напрягаясь, за трое суток подготовки в том числе и на вопросы ответить. Так хотя бы сегодня отоспаться. Ход мыслей Богданыча полностью соответствовал общей колее. Встали.

Опанасенко, видя, что у меня на уме, напоследок сказал:

– Деркулов! Не забивайте голову вопросами, а просто качественно готовьтесь к операции. У нас нет ресурса для ведения боевых действий уровня двадцать первого века. Поэтому мы вернем нашего высокотехнологичного противника в условия, привычные для вас, – во времена войны в Афганистане. Поставим их перед реалиями восьмидесятых. А там вы знаете: у кого нервы крепче да готовности идти до конца – больше.

– Попробуем, Александр Павлович. Пока мы не на характер мерились, а по пословице: «У кого больше, тот и пан»!

– Вот мы и поменяем правила игры: отступать нам больше некуда, а с характером у нас никогда проблем не было. Посмотрим, на что они готовы.

– Хорошо, товарищ полковник... Попробуем наших западных друзей на железистость очка: когда жим-жим – песочек не сыплется?

Кравец расхохотался. Шурпалыч сдержанно улыбнулся. Буслаев сиял и откровенно гордился своими подчиненными.

Попрощались, вышли.

На улице меня окликнула Хонич. Подошла, сухо вручила тяжелый полиэтиленовый пакет и ледяным тоном сообщила:

– Станислав Эдуардович распорядился передать.

Нет, ну какова сука?! Ты же, когда все рухнуло, мне в жилетку плакалась – сдалась, что называется, с потрохами. Тебя спасли, спрятали на все время раздачи слонов. Я не забыл своего данного в присутствии зареванного унитаза обещания – отправил лично на следующий же день. Со дня разговора в туалете ты ни разу меня вживую не видела, считай, полгода. Сто раз обоих могли грохнуть под любым обстрелом или бомбежкой. Я уже не твой начальник и вообще ушел в совершенно другой, параллельный тебе мир. Нет же! Опять наша гордая девочка взлетела и снова взялась за старое. Ничего человеческого! Сухая, бездушная функция продвижения к вершинам власти. Тварь...

– Спасибо.

– Не за что.

Вот уж точно...

Пакет очень кстати. Надо Жихарева порадовать – алаверды, однако, Богданыча еще разок угостить – от него помимо баньки вскорости много чего потребуется. Да и обещал же своим командирам гостинцев. Вот не с пустыми руками и вернусь. Заодно будет чем пилюлю подсластить. Шутка ли, пусть с двумя кузовами гранатометов, взрывчатки и мин да с разными

подкреплениями, но остановить в чистом поле чуть ли не бронетанковый батальон да пехоты сотен несколько! Волей-неволей, а призадумаетесь.

* * *

На Луганщине, сколько помню, Родаково всегда называли Бермудским Треугольником. Причин тому было несколько, но главных две: место расположения и база «Родаковоресурсы». Насчет географии – отдельная тема, а вот предприятие, само по себе, притча во всех языках.

Построили ее в благословенные времена застоя как раз в паре километров от поселка, а заодно и одноименную железнодорожную станцию расширили, дабы потребности базы могла удовлетворять: депо создали, мастерские, весовые, как положено. Ну, разумеется, людей привалило в поселок, возвели, прицепом, пару микрорайонов.

Обозвали для начала «Родаковской универсальной». Переименовывали потом бесчисленное количество раз, но именно такой – широкого профиля – до самой своей смерти она и оставалась. Окончательно добили ее бомбежки, но на деле конец ей пришел в аккурат с падением Союза, ибо создавалась она для материально-технического обеспечения юга РСФСР; в сферу ее обслуживания входили Ставрополье с Ростовской, Белгородской, Воронежской и частью Харьковской областей и, конечно же, половина Донбасса.

Переваливали всё – металлы, уголь, ГСМ, лес, строительные материалы, метизы, резину, товары народного потребления и еще сотни так необходимых народному хозяйству наименований. Все, что плохо лежало, ясное дело, тащили по домам. Обеспеченность местного населения могла бы вызывать определенное беспокойство у правоохранителей, если бы не одно «но» – Родаково лежало за пределами всякой досягаемости.

База, поселок и станция расположены в самой середине одной из возвышенностей Донецкого Кряжа, и к ним ведет всего две дороги. Вернее, одна – та, посередине которой Родаково и расположено, – связующее шоссе между двумя магистралями. И если летом особых проблем нет – хоть с Донецкой, хоть с Бахмутки: заезжай – не хочу, то с первыми морозцами и снежком поселок, а соответственно и вся остальная инфраструктура от «Большой земли» отрезались напрочь. Единственное сообщение – электрички да проходящие сквозняком магистральные составы. Правда, от станции еще дойти надо – парочку километров до пункта назначения. Если снег не чистить, задача не из простых. Его и не чистили. Принципиально!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.